

Луций Анней Сенека

Нравственные письма к Луцилию

Перевод с латыни
Сергея Ошера

ФТМ

Эксклюзивная классика (АСТ)

Луций Сенека

Нравственные письма к Луцилию

«ФТМ»

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Сенека Л. А.

Нравственные письма к Луцилию / Л. А. Сенека — «ФТМ»,
— (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-109472-0

«Нравственные письма к Луцилию», адресованные младшему современнику Сенеки, прокуратору Сицилии, — итог философии и жизненного опыта философа. Это, вероятно, самое читаемое сочинение Сенеки, начиная со Средних веков вплоть до настоящего времени. Написанные простым и мудрым языком, «Письма» и сегодня могут служить руководством по морально правильной жизни. В настоящем издании представлено полное собрание писем Сенеки. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-109472-0

© Сенека Л. А.
© ФТМ

Содержание

Письмо I	5
Письмо II	6
Письмо III	7
Письмо IV	8
Письмо V	10
Письмо VI	12
Письмо VII	13
Письмо VIII	15
Письмо IX	17
Письмо X	20
Письмо XI	21
Письмо XII	23
Письмо XIII	25
Письмо XIV	28
Письмо XV	31
Письмо XVI	33
Письмо XVII	35
Письмо XVIII	37
Письмо XIX	39
Письмо XX	41
Письмо XXI	43
Письмо XXII	45
Письмо XXIII	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Луций Анней Сенека

Нравственные Письма к Луцилию

Письмо I

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Так и поступай, мой Луцилий! Отвоюй себя для себя самого, береги и копи время, которое прежде у тебя отнимали или крали, которое зря проходило. Сам убедись в том, что я пишу правду: часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Вглядись-ка пристальней: ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую – на безделье, и всю жизнь – не на те дела, что нужно. (2) Укажешь ли ты мне такого, кто ценил бы время, кто знал бы, чего стоит день, кто понимал бы, что умирает с каждым часом? В том-то и беда наша, что смерть мы видим впереди; а большая часть ее у нас за плечами – ведь сколько лет жизни минуло, все принадлежат смерти. Поступай же так, мой Луцилий, как ты мне пишешь: не упускай ни часу. Удержишь в руках сегодняшний день – меньше будешь зависеть от завтрашнего. Не то, пока будешь откладывать, вся жизнь и промчится. (3) Все у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владенье природа, но и его кто хочет, тот и отнимает. Смертные же глупы: получив что-нибудь ничтожное, дешевое и наверняка легко возместимое, они позволяют предъявлять себе счет; а вот те, кому уделили время, не считают себя должниками, хотя единственно времени и не возвратит даже знающий благодарность. (4) Быть может, ты спросишь, как поступаю я, если смею тебя поучать? Признаюсь чистосердечно: как расточитель, тщательный в подсчетах, я знаю, сколько растратил. Не могу сказать, что не теряю ничего, но сколько теряю, и почему, и как, скажу и назову причины моей бедности. Дело со мною обстоит так же, как с большинством тех, кто не через собственный порок дошел до нищеты; все меня прощают, никто не помогает. (5) Ну так что ж? По-моему, не беден тот, кому довольно и самого малого остатка. Но ты уж лучше береги свое достояние сейчас: ведь начать самое время! Как считали наши предки, поздно быть бережливым, когда осталось на донышке.¹ Да к тому же остается там не только мало, но и самое скверное. Будь здоров.

¹ Ср. Гесиод. Работы и дни, 369: «У дна смешна бережливость».

Письмо II

Сенека приветствует Луцилия!

(1) И то, что ты мне писал, и то, что я слышал, внушает мне на твой счет немалую надежду. Ты не странствуешь, не тревожишь себя переменой мест. Ведь такие метания – признак больной души. Я думаю, первое доказательство спокойствия духа – способность жить оседло и оставаться самим собою. (2) Но взгляни: разве чтение множества писателей и разнообразнейших книг не сродни бродяжничеству и непоседливости? Нужно долго оставаться с тем или другим из великих умов, питая ими душу, если хочешь извлечь нечто такое, что в ней бы осталось. Кто везде – тот нигде. Кто проводит жизнь в странствиях, у тех в итоге гостеприимцев множество, а друзей нет. То же самое непременно будет и с тем, кто ни с одним из великих умов не освоится, а пробегает все второпях и наспех. (3) Не приносит пользы и ничего не дает телу пища, если ее извергают, едва проглотивши. Ничто так не вредит здоровью, как частая смена лекарств. Не зарубцуется рана, если пробовать на ней разные снадобья. Не окрепнет растение, если часто его пересаживать. Даже самое полезное не приносит пользы на лету. Во множестве книги лишь рассеивают нас. Поэтому, если не можешь прочесть все, что имеешь, имей столько, сколько прочтешь – и довольно. (4) «Но, – скажешь ты, – иногда мне хочется развернуть эту книгу, иногда другую». – Отведывать от множества блюд – признак пресыщенности, чрезмерное же разнообразие яств не питает, но портит желудок. Потому читай всегда признанных писателей, а если вздумается порой отвлечься на другое, возвращайся к оставленному. Каждый день запасай что-нибудь против бедности, против смерти, против всякой другой напасти и, пробежав многое, выбери одно, что можешь переварить сегодня. (5) Я и сам так делаю: из многого прочитанного что-нибудь одно запоминаю. Сегодня вот на что натолкнулся я у Эпикура (ведь я частенько перехожу в чужой стан, не как перебежчик, а как лазутчик): (6) «Веселая бедность, – говорит он, – вещь честная». Но какая же это бедность, если она веселая? Беден не тот, у кого мало что есть, а тот, кто хочет иметь больше. Разве ему важно, сколько у него в ларях и в закромах, сколько он пасет и сколько получает и сотню, если он зарится на чужое и считает не приобретенное, а то, что надобно еще приобрести? Ты спросишь, каков предел богатства? Низший – иметь необходимое, высший – иметь столько, сколько с тебя довольно. Будь здоров.

Письмо III

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Ты пишешь, что письма для передачи мне отдал другу, а потом предупреждаешь, чтобы не всем, тебя касающимся, я с ним делился, потому что и сам ты не имеешь обыкновения делать так. Выходит, в одном письме ты и признаешь, и не признаешь его своим другом. Ладно еще, если ты употребил это слово как расхожее и назвал его «другом» так же, как всех соискателей на выборах мы называем «доблестными мужами», или как встречного, если не можем припомнить его имени, приветствуем обращением «господин». (2) Но если ты кого-нибудь считаешь другом и при этом не веришь ему, как самому себе, значит, ты заблуждаешься и не ведаешь, что есть истинная дружба. Во всем старайся разобраться вместе с другом, но прежде разберись в нем самом. Подружившись, доверяй, суди же до того, как подружился. Кто вопреки наставлению Феофраста «судит, полюбив, вместо того, чтобы любить, составив суждение»², те путают, что должно делать раньше, что позже. Долго думай, стоит ли становиться другом тому или этому, но решившись, принимай друга всей душой и говори с ним так же смело, как с собою самим. (3) Живи так, чтобы и себе самому не приходилось признаваться в чем-нибудь, чего нельзя доверить даже врагу. Но раз есть вещи, которые принято держать в тайне, делись лишь с другом всеми заботами, всеми мыслями. Будешь считать его верным – верным и сделаешь. Нередко учат обману тем, что обмана боятся, и подозрениями дают право быть вероломным. Почему не могу я произнести те или иные слова в присутствии друга? Почему мне не думать, что в его присутствии я все равно что наедине с собой? (4) Одни первому встречному рассказывают о том, что можно поведать только другу, и всякому, лишь бы он слушал, выкладывают все, что у них накопилось. Другим боязно, чтобы и самые близкие что-нибудь о них знали; эти, если бы могли, сами себе не доверяли бы, потому они и держат все про себя. Делать не следует ни так, ни этак: ведь порок – и верить всем, и никому не верить, только, я сказал бы, первый порок благороднее, второй – безопаснее. (5) Точно так же порицанья заслуживают и те, что всегда обеспокоены, и те, что всегда спокойны. Ведь и страсть к суете признак не деятельного, но мятущегося в постоянном возбуждении духа, и привычка считать каждое движение тягостным – признак не безмятежности, но изнеженности и распушенности. (6) Поэтому удержи в душе слова, которые вычитал я у Помпония³: «Некоторые до того забились во тьму, что неясно видят все освещенное». Все должно сочетаться: и любителю покоя нужно действовать, и деятельному – побыть в покое. Спроси совета у природы: она скажет тебе, что создала и день и ночь. Будь здоров.

² Ср. Плутарх. О братской любви: «Чужих надо, как говорит Феофраст, не судить, полюбив, а любить, составивши суждение».

³ Помпоний – скорее всего, комедиограф, автор ателлан (комедий масок), а также трагедий (I в. до н. э.). Однако приводимая Сенекой цитата – не стихотворная.

Письмо IV

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Упорно продолжай то, что начал, и поспеши сколько можешь, чтобы подольше наслаждаться совершенством и спокойствием твоей души. Есть наслаждение и в том, чтобы совершенствовать ее, чтобы стремиться к спокойствию; но совсем иное наслаждение ты испытываешь, созерцая дух, свободный от порчи и безупречный. (2) Ты, верно, помнишь, какую радость испытал ты, когда, сняв претексту⁴, надел на себя мужскую тогу и был выведен на форум? Еще большая радость ждет тебя, когда ты избавишься от ребяческого нрава и философия запишет тебя в число мужей. Ведь и до сей поры остается при нас уже не ребяческий возраст, но, что гораздо опаснее, ребячливость. И это – тем хуже, что нас чтут как стариков, хотя в нас живут пороки мальчишек, и не только мальчишек, но и младенцев; ведь младенцы боятся вещей пустяжных, мальчишки – мнимых, а мы – и того и другого. (3) Сделай шаг вперед – и ты поймешь, что многое не так страшно как раз потому, что больше всего пугает. Никакое зло не велико, если оно последнее. Пришла к тебе смерть? Она была бы страшна, если бы могла оставаться с тобою, она же или не явится, или скоро будет позади, никак не иначе. – (4) «Нелегко, – скажешь ты, – добиться, чтобы дух презрел жизнь». – Но разве ты не видишь, по каким ничтожным причинам от нее с презреньем отказываются? Один повесился перед дверью любовницы, другой бросился с крыши, чтобы не слышать больше, как бушует хозяин, третий, пустившись в бега, вонзил себе клинок в живот, только чтобы его не вернули. Так неужели, по твоему, добродетели не под силу то, что делает чрезмерный страх? Спокойная жизнь – не для тех, кто слишком много думает о ее продлении, кто за великое благо считает пережить множество консульств⁵. (5) Каждый день размышляй об этом, чтобы ты мог равнодушно расстаться с жизнью, за которую многие цепляются и держатся, словно уносимые потоком – за колючие кусты и острые камни. Большинство так и мечется между страхом смерти и мученьями жизни; жалкие, они и жить не хотят, и умереть не умеют. (6) Сделай же свою жизнь приятной, оставив всякую тревогу о ней. Никакое благо не принесет радости обладателю, если он в душе не готов его утратить, и всего безболезненней утратить то, о чем невозможно жалеть, утратив. Поэтому укрепляй мужеством и закаляй свой дух против того, что может произойти даже с самыми могущественными. (7) Смертный приговор Помпею вынесли мальчишка и скопец, Крассу – жестокий и наглый парфянин⁶. Гай Цезарь⁷ приказал Лепиду подставить шею под меч трибуна Декстра – и сам подставил ее под удар Хереи. Никто не был так высоко вознесен фортуной, чтобы угрозы ее были меньше ее попустительства. Не верь затишью: в один миг море взволнуется и поглотит только что резвившиеся корабли. (8) Подумай о том, что и разбойник и враг могут приставить тебе меч к горлу. Но пусть не грозит тебе высокая власть – любой раб волен распоряжаться твоей жизнью и смертью. Я скажу так: кто презирает собственную жизнь, тот стал хозяином твоей. Вспомни пример тех, кто погиб от домашних козней, извещенный или силой, или хитростью, – и ты поймешь, что гнев рабов погубил не меньше людей, чем царский гнев. Так какое тебе дело до могущества того, кого ты боишься, если то, чего ты боишься,

⁴ Претекста – тога с пурпурной каймой, которую римлянин торжественно снимал в день совершеннолетия и облачался в мужскую тогу без украшений. После этого родители вели его на Форум, а затем – на Капитолий, где его заносили в списки граждан. Возраст совершеннолетия в эпоху Сенеки – 15 лет.

⁵ Римляне обозначали год по именам избранных на этот год консулов.

⁶ Гней Помпей (106–47 гг. до н. э.) после битвы при Фарсале (48 г.), где он был разбит Цезарем, бежал в Египет и там был убит по приказу евнуха Потина, советника малолетнего царя Птолемея Диониса. Марк Лициний Красс (115–53 гг. до н. э.) во время парфянского похода был убит врагами, заманившими его на переговоры о перемирии.

⁷ Гай Цезарь – император Гай Калигула (37–41 гг.). Своего любимца и зятя Эмилия Лепиды он казнил по обвинению в заговоре; сам был убит составившим против него заговор трибуном преторианцев Кассием Хереей.

может сделать всякий? (9) Вот ты попал в руки врага, и он приказал вести тебя на смерть. Но ведь и так идешь ты к той же цели! Зачем же ты обманываешь себя самого, будто лишь сейчас постиг то, что всегда с тобой происходило? Говорю тебе: с часа твоего рождения идешь ты к смерти. Об этом должны мы думать и помнить постоянно, если хотим безмятежно дожидаться последнего часа, страх перед которым лишает нас покоя во все остальные часы. (10) А чтобы мог я закончить письмо, узнай, что приглянулось мне сегодня (и это сорвано в чужих садах)⁸: «Бедность, сообразная закону природы, – большое богатство»⁹. Знаешь ты, какие границы ставит нам этот закон природы? Не терпеть ни жажды, ни голода, ни холода. А чтобы прогнать голод и жажду, тебе нет нужды обивать надменные пороги, терпеть хмурую спесь или оскорбительную приветливость, нет нужды пытаться счастье в море или идти следом за войском. То, чего требует природа, доступно и достижимо, потеем мы лишь ради избытка. (11) Ради него изнашиваем мы тогу, ради него старимся в палатках лагеря, ради него заносит нас на чужие берега. А то, чего с нас довольно, у нас под рукой. Кому и в бедности хорошо, тот богат. Будь здоров.

⁸ ...в чужих садах... – намек, раскрывающий автора цитаты – Эпикура. По приезду в Афины из Лампсака Эпикур купил сад, где и основал свою школу. Слово «сад» часто употребляется древними для обозначения эпикурейской школы.

⁹ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, цитаты даны в переводе составителя комментариев.

Письмо V

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Я радуюсь твоему упорству в занятиях и рвению, которое побуждает тебя, забросив все, только о том и стараться, чтобы с каждым днем становиться все лучше, и хвалю тебя за них. Будь и впредь так же упорен, тут я не только поощряю тебя, но и прошу. Об одном лишь хочу предупредить тебя: не поступай подобно тем, кто желает не усовершенствоваться, а только быть на виду, и не делай так, чтобы в одежде твоей или в образе жизни что-нибудь бросалось в глаза. (2) Избегай появляться неприбранным, с нестриженной головой и запущенной бородой, выставлять напоказ ненависть к серебру, стелить постель на голой земле – словом, всего, что делается ради извращенного удовлетворения собственного тщеславия. Ведь само имя философии вызывает достаточно ненависти, даже если приверженцы ее ведут себя скромно; что же будет, если мы начнем жить наперекор людским обычаям? Пусть изнутри мы будем иными во всем – снаружи мы не должны отличаться от людей. (3) Пусть не будет блистательной тога – но и грязной тоже; пусть не для нас серебряная утварь с украшениями из литого золота – но не надо считать лишь отсутствие золота и серебра свидетельством умеренности. Будем делать все, чтобы жить лучше, чем толпа, а не наперекор толпе, иначе мы отпугнем от себя и обратим в бегство тех, кого хотим исправить. Из страха, что придется подражать нам во всем, они не пожелают подражать нам ни в чем – только этого мы и добьемся. (4) Первое, что обещает дать философия, – это умение жить среди людей, благожелательность и общительность; но несходство с людьми не позволит нам сдержать это обещание. Позаботимся же, чтобы то, чем мы хотим вызвать восхищение, не вызывало смеха и неприязни. Ведь у нас нет другой цели, как только жить в согласии с природой. Но противно природе изнурять свое тело, ненавидеть легко доступную опрятность, предпочитая ей нечистоплотность, избирать пищу не только дешевую, но и грубую и отвратительную. (5) Только страсть к роскоши желает одного лишь изысканного – но только безумие избегает недорогого и общеупотребительного. Философия требует умеренности – не пытки; а умеренность не должна быть непременно неопрятной. Вот мера, которая мне по душе: пусть в нашей жизни сочетаются добрые нравы с нравами большинства, пусть люди удивляются ей, но признают. – (6) «Как же так? Неужто и мы будем поступать, как все прочие, и между ними и нами не будет никакого различия?» – Будет, и очень большое. Пусть тот, кто приглядится к нам ближе, знает, насколько отличаемся мы от толпы. Пусть вошедший в наш дом дивится нам, а не нашей посуде. Велик тот человек, кто глиняной утварью пользуется как серебряной, но не менее велик и тот, кто серебряной пользуется как глиняной. Слаб духом тот, кому богатство не по силам.

(7) Но хочу и сегодня поделиться с тобой моим небольшим доходом: я нашел у нашего Гекатона¹⁰, что покончить со всеми желаниями полезно нам для исцеления от страха. «Ты перестанешь бояться, – говорит он, – если и надеяться перестанешь». Ты спросишь, как можно уравнивать столь разные вещи. Но так оно и есть, мой Луцилий: хотя кажется, что между ними нет ничего общего, на самом деле они связаны. Как одна цепь связывает стража и пленного, так страх и надежда, столь несхожие между собой, приходят заодно: вслед за надеждой является страх. (8) Я и не удивляюсь этому: ведь оба они присущи душе неуверенной, тревожимой ожиданием будущего. А главная причина надежды и страха – наше неумение принаравливаться к настоящему и привычка засылать наши помыслы далеко вперед. Так предвиденье, величайшее из данных человеку благ, оборачивается во зло. (9) Звери бегут только при виде опасностей, а убежав от них, больше не испытывают страха. Нас же мучит и будущее и прошедшее. Из наших благ многие нам вредят: так память возвращает нас к пережитым мукам страха, а

¹⁰ Гекатон (I в. до н. э.) – родосский философ-стоик, ученик Панэтия, автор сочинения «Об обязанностях».

предвиденье предвосхищает муки будущие. И никто не бывает несчастен только от нынешних причин. Будь здоров.

Письмо VI

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Я понимаю, Луцилий, что не только меняюсь к лучшему, но и становлюсь другим человеком. Я не хочу сказать, будто во мне уже нечего переделывать, да и не надеюсь на это. Как может больше не быть такого, что надо было бы исправить, поубавить или приподнять? Ведь если душа видит свои недостатки, которых прежде не знала, это свидетельствует, что она обратилась к лучшему. Некоторых больных надо поздравлять и с тем, что они почувствовали себя больными.

(2) Я хочу, чтобы эта так быстро совершающаяся во мне перемена передалась и тебе: тогда я бы еще крепче поверил в нашу дружбу – истинную дружбу, которой не расколют ни надежда, ни страх, ни корысть, такую, которую хранят до смерти, ради которой идут на смерть.

(3) Я назову тебе многих, кто лишен не друзей, но самой дружбы. Такого не может быть с теми, чьи души объединяет общая воля и жажда честного. Как же иначе? Ведь они знают, что тогда у них все общее, особенно невзгоды. Ты и представить себе не можешь, насколько каждый день, как я замечаю, движет меня вперед. – (4) «Но если ты что нашел и узнал его пользу по опыту, поделись со мною!» – скажешь ты. – Да ведь я и сам хочу все перелить в тебя и, что-нибудь выучив, радуюсь лишь потому, что смогу учить. И никакое знание, пусть самое возвышенное и благотворное, но лишь для меня одного, не даст мне удовольствия. Если бы мне подарили мудрость, но с одним условием: чтобы я держал ее при себе и не делился ею, – я бы от нее отказался. Любое благо нам не на радость, если мы обладаем им в одиночку.

(5) Пошлю я тебе и книги, а чтобы ты не тратил труда на поиски вещей полезных, сделаю пометки, по которым ты сразу найдешь все, что я одобряю и чем восхищаюсь. Но больше пользы, чем слова, принесли бы тебе живой голос мудрецов и жизнь рядом с ними. Лучше прийти и видеть все на месте, во-первых, потому, что люди верят больше глазам, чем ушам¹¹, во-вторых, потому, что долог путь наставлений, краток и убедителен путь примеров. (6) Не стал бы Клеанф точным подобьем Зенона¹², если бы он только слышал его. Но ведь он делил с ним жизнь, видел скрытое, наблюдал, живет ли Зенон в согласии со своими правилами. И Платон, и Аристотель¹³, и весь сонм мудрецов, которые потом разошлись в разные стороны, больше почерпнули из нравов Сократа, чем из слов его. Метродора и Гермарха, и Полнена¹⁴ сделали великими людьми не уроки Эпикура, а жизнь с ним вместе. Впрочем, зову я тебя не только ради той пользы, которую ты получишь, но и ради той, которую принесешь; вдвоем мы больше дадим друг другу.

(7) Кстати, за мной ежедневный подарок. Вот что понравилось мне нынче у Гекатона: «Ты спросишь, чего я достиг? Стал самому себе другом!» Достиг он немало, ибо теперь никогда не останется одинок. И знай: такой человек всем будет другом. Будь здоров.

¹¹ Ср. Гораций. Наука поэзии, 180 181 (пер. М. Гаспарова): То, что дошло через слух, всегда волнует слабее, нежели то, что зорким глазам предстает необманно. (Здесь и далее стихи Горация цитируются по изданию: Гораций. Оды, эподы, сатиры, послания. М., 1970.).

¹² Зенон из Китиона (ок. 336 – ок. 264 гг. до н. э.) – философ, сперва – ученик киника Кратета, затем – основатель собственной школы, названной по месту его деятельности – афинскому «Расписному портику» (ὁρὰ τοῦ κῆλη) – стоической. Клеанф (331–251 гг. до н. э.) – ближайший ученик Зенона, после его смерти – руководитель стоической школы.

¹³ Ошибка Сенеки: Аристотель родился спустя 15 лет после гибели Сократа.

¹⁴ Метродор из Афин, Гермарх из Митилены, Полнен из Лампсака (конец IV – начало III в. до н. э.) упоминаются в качестве учеников Эпикура также у Диогена Лаэртца (X, 15, 22). Метродор – ближайший ученик Эпикура, адресат многих его посланий; умер раньше учителя у него на руках. Гермарх и Полиен, став последователями Эпикура, отказались первый – от занятий риторикой, второй – математикой. Полиен умер при жизни Эпикура, Гермарх возглавил после смерти учителя школу по его завещанию.

Письмо VII

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Ты спрашиваешь, чего тебе следует больше всего избегать? Толпы? Ведь к ней не подступиться без опасности! Признаюсь тебе в своей слабости: никогда не возвращаюсь я таким же, каким вышел. Что я успокоил, то вновь приходит в волнение, что гнал от себя – возвращается. Как бывает с больными, когда долгая слабость доводит их до того, что они и выйти не могут без вреда для себя, так случается и с нами, чьи души выздоравливают после долгого недуга. (2) Нет врага хуже, чем толпа, в которой ты трешься. Каждый непременно либо прельстит тебя своим пороком, либо заразит, либо незаметно запачкает. Чем сборище многочисленней, тем больше опасности. И нет ничего губительней для добрых нравов, чем зрелища: ведь через наслаждение еще легче подкрадываются к нам пороки. (3) Что я, по-твоему, говорю? Возвращаюсь я более скупым, более честолюбивым, падким до роскоши и уж наверняка более жестоким и бесчеловечным: и все потому, что побыл среди людей. Случайно попал я на полуценное представление¹⁵, надеясь отдохнуть и ожидая игр и острот – того, на чем взгляд человека успокаивается после вида человеческой крови. Какое там! Все прежнее было не боем, а сплошным милосердием, зато теперь – шутки в сторону – пошла настоящая резня! Прикрываться нечем, все тело подставлено под удар, ни разу ничья рука не поднялась понапрасну. (4) И большинство предпочитает это обычным парам и самым любимым бойцам! ¹⁶А почему бы и нет? Ведь нет ни шлема, ни щита, чтобы отразить меч! Зачем доспехи? Зачем приемы? Все это лишь оттягивает миг смерти. Утром люди отданы на растерзание львам и медведям, в полдень – зрителям. Это они велят убитым идти под удар тех, кто их убьет, а победителей щадят лишь для новой бойни. Для сражающихся нет иного выхода, кроме смерти. В дело пускают огонь и железо, и так покуда не опустеет арена¹⁷. – (5) «Но он занимался разбоем, убил человека»¹⁸. – Кто убил, сам заслужил того же. Но ты, несчастный, за какую вину должен смотреть на это? – «Режь, бей, жги! Почему он так робко бежит на клинок? Почему так несмело убивает? Почему так неохотно умирает?» – Бичи гонят их на меч, чтобы грудью, голой грудью встречали противники удар. В представлении перерыв? Так пусть тем временем убивают людей, лишь бы что-нибудь происходило.

Как вы не понимаете, что дурные примеры оборачиваются против тех, кто их подает? Благодарите бессмертных богов за то, что вы учите жестокости неспособного ей выучиться. (6) Дальше от народа пусть держится тот, в ком душа еще не окрепла и не стала стойкой в добре: такой легко переходит на сторону большинства. Даже Сократ, Катои и Лелий ¹⁹ отступились бы от своих добродетелей посреди несхожей с ними толпы, а уж из нас, как ни совершенствуем мы свою природу, ни один не устоит перед натиском со всех сторон подступающих пороков. (7) Много зла приносит даже единственный пример расточительности и скупости; избалованный приятель и нас делает слабыми и изнеженными, богатый сосед распаляет нашу жадность, лукавый товарищ даже самого чистого и простодушного заразит своей ржавчиной. Что же, по-твоему, будет с нашими нравами, если на них ополчился целый народ? Непременно

¹⁵ Во время гладиаторских игр давали два представления в день: утреннее – борьба со зверями, и полуденное – бой между гладиаторами. В промежутке иногда разыгрывались мимы.

¹⁶ Обычные пары – гладиаторы в полном вооружении. Любимые бойцы – так называемые *postulatitii* (от *postulare* – требовать), самые прославленные гладиаторы, которых выпускали на арену по требованию зрителей.

¹⁷ Мечами, факелами и ударами бичей на арену возвращали отступающих гладиаторов.

¹⁸ Иногда на арене заставляли биться осужденных на казнь преступников.

¹⁹ Марк Порций Катан Цензор (234–149 гг. до н. э.) – государственный деятель, противник греческого влияния, прославившийся обличением роскоши и испорченных нравов в Риме. Гай Лелий, прозванный Мудрым (II в. до н. э.), – правовед и государственный деятель. Оба – обычные примеры «добрых нравов» в римской моралистике.

ты или станешь ему подражать, или его возненавидишь. (8) Между тем и того и другого надо избегать: нельзя уподобляться злым оттого, что их много, нельзя ненавидеть многих оттого, что им не уподобляешься. Уходи в себя, насколько можешь; проводи время только с теми, кто сделает тебя лучше, допускай к себе только тех, кого ты сам можешь сделать лучше. И то и другое совершается взаимно, люди учатся, обучая. (9) Значит, незачем тебе ради честолюбивого желанья выставять напоказ свой дар, выходить на середину толпы и читать ей вслух либо рассуждать перед нею; по-моему, это стоило бы делать, будь твой товар ей по душе, а так никто тебя не поймет. Может быть, один-два человека тебе и попадутся, но и тех тебе придется образовывать и наставлять, чтобы они тебя поняли. «Но чего ради я учился?» – Нечего бояться, что труд твой пропал даром: ты учился ради себя самого.

(10) Но я-то не ради себя одного учился сегодня и потому сообщу тебе, какие мне попались три замечательных изречения – все почти что об одном и том же. Первое пусть погасит долг в этом письме, два других прими в уплату вперед. Демокрит пишет: «Для меня один человек – что целый народ, а народ – что один человек». (11) И тот, кто на вопрос, зачем он с таким усердием занимается искусством, которое дойдет лишь до немногих, отвечал: «Довольно с меня и немногих, довольно с меня и одного, довольно с меня и ни одного», – сказал тоже очень хорошо, кто бы он ни был²⁰ (на этот счет есть разные мнения). Превосходно и третье изречение – Эпикура, писавшего одному из своих товарищей по ученым занятиям: «Это я говорю для тебя, а не для толпы: ведь каждый из нас для другого стоит битком набитого театра». (12) Вот что, мой Луцилий, нужно сберечь в душе, чтобы пренебречь удовольствием, доставляемым похвалами большинства. Многие тебя одобряют. Так есть ли у тебя причины быть довольным собой, если многим ты понятен? Вовнутрь должны быть обращены твои достоинства! Будь здоров.

²⁰ Симмах («Письма», IX, 105) приписывает это изречение Гераклиту.

Письмо VIII

Сенека приветствует Луцилия!

(1) «Ты приказываешь мне избегать толпы, – пишешь ты, – уединиться и довольствоваться собственной совестью. А как же ваши наставления, повелевающие трудиться до самой смерти?» – Но то, к чему я тебя склоняю, скрыться и запереть двери, – я сам сделал, чтобы многим принести пользу. Ни одного дня я не теряю в праздности, даже часть ночи отдаю занятиям. Я не иду спать, освободившись: нет, сон одолевает меня, а я сижу, уставившись в свою работу усталыми от бодрствования, слипающимися глазами. (2) Я удалился не только от людей, но и от дел, прежде всего – моих собственных, и занялся делами потомков. Для них я записываю то, что может помочь им. Как составляют полезные лекарства, так я заносу на листы спасительные наставления, в целительности которых я убедился на собственных ранах: хотя мои язвы не закрылись совсем, но расползаться вширь перестали. (3) Я указываю другим тот правильный путь, который сам нашел так поздно, устав от блужданий. Я кричу: «Избегайте всего, что любит толпа, что подбросил вам случай! С подозрением и страхом остановитесь перед всяким случайным благом! Ведь и рыбы, и звери ловятся на приманку сладкой надежды! Вы думаете, это дары фортуны? Нет, это ее козни. Кто из вас хочет прожить жизнь насколько возможно безопаснее, тот пусть бежит от этих вымазанных птичьим клеем благодеяний, обманывающих нас, несчастных, еще и тем, что мы, возомнив, будто добыча наша, сами становимся добычей. Погоня за ними ведет в пропасть. (4) Исход высоко вознесшейся жизни один – паденье. К тому же нельзя и сопротивляться, когда счастье начинает водить нас вкривь и вкось. Или уж плыть прямо, или разом ко дну! Но фортуна не сбивает с пути – она опрокидывает и кидает на скалы.

(5) Угождайте же телу лишь настолько, насколько нужно для поддержания его крепости, и такой образ жизни считайте единственно здоровым и целебным. Держите тело в строгости, чтобы оно не перестало повиноваться душе: пусть пища лишь утоляет голод, питье – жажду, пусть одежда защищает тело от холода, а жилище – от всего ему грозящего. А возведено ли жилище из дерна или из пестрого заморского камня, разницы нет: знайте, под соломенной кровлей человеку не хуже, чем под золотой. Презирайте все, что ненужный труд создает ради украшения или напоказ. Помните: ничто, кроме души, недостойно восхищения, а для великой души все меньше нее».

(6) И когда я беседую так с самим собою, беседую с потомками, неужели, по-твоему, я приношу меньше пользы, чем отправляясь в суд ходатаем, или припечатывая перстнем таблички с завещанием, или в сенате ²¹ отдавая руку и голос соискателю должности? Поверь мне, кто кажется бездельником, тот занят самыми важными делами, и божественными и человеческими вместе. (7) Однако пора кончать и, по моему правилу, чем-нибудь расквитаться с тобой и в этом письме. Уплачу я не из собственных запасов; я до сих пор все просматриваю Эпикура и сегодня вычитал у него такие слова: «Стань рабом философии, чтобы добыть подлинную свободу». И если ты предался и подчинился ей, твое дело не будет откладываться со дня на день: сразу же ты получишь вольную. Потому что само рабство у философии есть свобода. (8) Может статься, ты спросишь меня, отчего я беру столь много прекрасных изречений у Эпикура, а не у наших. Но почему ты думаешь, что подобные слова принадлежат одному Эпикуру, а не всем людям? Ведь как много поэты говорят такого, что или сказано, или должно быть сказано философами! Я не беру ни трагедии, ни нашей тогаты²², которая тоже не лишена серьезности и стоит посредине между трагедией и комедией; но и в мимах столько есть красноречивых строк!

²¹ При Тиберии право избрания должностных лиц было отнято у народного собрания и передано сенату (см. Тацит. *Анналы*, I, 15).

²² Гогота – комедия с сюжетом из римской жизни, персонажи которой были одеты в тогу.

Сколько стихов Публилия ²³ надо бы произносить не обутом в сандалии, но выступающим на котурнах! ²⁴(9) Я приведу один его стих, имеющий касательство к философии, и как раз к той ее части, которой мы только что занимались; в нем поэт утверждает, что случайно доставшееся нельзя считать своим:

Чужое, что по вашему хотению вдруг свалилось нам.

(10) Но ты, я помню, говорил другой стих, намного лучше и короче:

Не наше то, что нам дано фортуною.

А это твое изречение (я не пропущу и его) даже еще лучше:

Все, что дано нам, может быть и отнято.

Но этого я не зачту в погашение долга: я лишь отдал тебе твое же. Будь здоров.

²³ Публилий Сир (I в. до н. э.) – автор мимов, многие цитаты из которых составили сборники популярных изречений.

²⁴ Обутое в сандалии – комические актеры; выступающие на котурнах трагические актеры.

Письмо IX

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Ты хочешь знать, справедливо ли Эпикур в одном из писем порицал тех, кто утверждает, будто мудрецу никто, кроме него самого, не нужен и потому ничьей дружбы не требуется. Этот упрек Эпикур бросает Стильпону²⁵ и тем, кто думает, что высшее благо – когда душа ничего не терпит. (2) Впрочем, мы неизбежно впадаем в двусмысленность, если для краткости переводим слово *αλαχεια*²⁶, прибегая к слову «терпеть». Ведь можно подумать, будто смысл тут противоположен тому, что мы имеем в виду. Мы хотели сказать: «душа, которой безразлична любая боль», а понять можно так: «душа, которая не может вытерпеть никакой боли». Погляди же сам, не лучше ли будет сказать «неуязвимая душа» или «душа, недоступная для любого страдания»? (3) В том и разница между ними и нами: наш мудрец побеждает все неприятное, но чувствует его, а их мудрец даже и не чувствует. Общее же и у нас и у них вот что: мудрому никто, кроме него самого, не нужен. Но хоть с него и довольно самого себя, ему все же хочется иметь и друга, и соседа, и товарища. (4) Сам посуди, до какой степени довольствуется сам собой тот, кто порой довольствуется и частью самого себя. Если болезнь или враг лишат его руки, если случай отнимет у него глаз²⁷, мудрецу хватает того, что осталось, он и с искалеченным телом будет так же весел, как был до увечий. Но хоть он и не тоскует о потерянном, однако предпочел бы обойтись без потерь. (5) Так же точно никто, кроме него самого, не нужен мудрецу не потому, что он хочет жить без друзей, а потому, что может. Говоря «может», я имею в виду вот что: со спокойной душой перенесет он потерю. Ведь без друзей он не останется никогда, и в его власти решать, сколь быстро найти замену. Фидий, если бы потерял статую, сразу сделал бы другую. Так же и он – мастер завязывать дружбу – заместил бы утраченного друга новым. (6) Ты спросишь, как можно быстро приобрести чью-нибудь дружбу; я отвечу, если мы договоримся, что я сейчас отдам тебе долг и по этому письму, мы будем в расчете. Гекатон говорит: «Я укажу приворотное средство без всяких снадобий, без трав, без заклинаний знахарки. Если хочешь, чтоб тебя любили, – люби». Не только старая, испытанная дружба приносит нам великое наслаждение, но и начало новой, только лишь приобретаемой. (7) Между приобретшим друга и приобретающим его та же разница, что между жнецом и сеятелем. Философ Аттал²⁸ не раз говорил, что приятнее добиваться дружбы, чем добиться ее, как художнику приятнее писать картину, чем ее окончить. Кто занимается своим произведением с душевным беспокойством, тот в самом занятии находит великую уладу. Выпуская из рук законченное произведение, он уже не будет так наслаждаться: теперь он радуется плодам своего искусства, а пока он писал, его радовало само искусство. Отрочество наших детей щедрее плодами, но их младенчество нам милее.

(8) Но вернемся к нашему предмету. Пусть мудрому никто, кроме него самого, не нужен, он все-таки желает иметь друга, хотя бы ради деятельной дружбы, чтобы не оставалась праздною столь великая добродетель, и не ради того, чтобы, как говорит Эпикур в том же письме, «было кому ухаживать за ним в болезни, помогать в оковах или в нужде», но чтобы самому было за кем ухаживать в болезни, кого вызволять из-под вражеской стражи. Плохи мысли того, кто подружился, видя лишь самого себя; как он начал, так и кончит. Кто завел друга, чтобы

²⁵ Стильпон (IV в. до н. э.) – виднейший философ мегарской школы, разрабатывавший по преимуществу этические вопросы и объявивший высшей целью жизни «апатию». Один из учителей Зенона.

²⁶ Этот термин может означать и отсутствие страданий, и – в языке стоиков – бесстрашие. Сенека приписывает этому слову еще одно значение – нетерпеливость.

²⁷ В некоторых изданиях это место читается: «один или оба глаза».

²⁸ Аттал (I в. до н. э. – I в. н. э.) – философ-стоик, учитель Сенеки. Сенека Старший («Свазории», II, 12) характеризует его: «Муж величайшего красноречия, из философов, каких только видел наш век, самый тонкий и речистый».

тот выручал из цепей, тот покинет его, едва загремят оковы. (9) Таковы дружеские союзы, которые народ называет временными. С кем мы сошлись ради пользы, мил нам, лишь покуда полезен. Вот почему вокруг того, чьи дела процветают, – толпа друзей, а вокруг потерпевших крушение – пустыня. Друзья бегут оттуда, где испытывается дружба. Вот почему видим мы так много постыдных примеров, когда одни из страха бросают друзей, другие из страха предадут их. Каково начало, таков конец, иначе и быть не может. Кто подружился ради выгоды, тому будет дорога награда за измену дружбе, коль скоро и в ней было дорого ему что-нибудь, кроме нее самой. (10) Для чего приобретаю я друга? Чтобы было за кого умереть, за кем пойти в изгнание, за чью жизнь бороться и отдать жизнь. А дружба, о которой ты пишешь, та, что заключается ради корысти и смотрит, что можно выгадать, – это не дружба, а сделка. (11) Нет сомнения, страсть влюбленных имеет с дружбой нечто общее, ее можно бы даже назвать безрассудной дружбой. Но разве любит кто-нибудь ради прибыли? Ради честолюбия и славы? Любовь сама по себе, пренебрегая всем остальным, зажигает души вожделением к красоте, не чуждым надежды на ответную нежность. Как же так? Неужели причина более честная родит постыдную страсть? – (12) Ты возразишь мне: «Не о том сейчас речь, надо ли искать дружбы ради нее самой или ради иной цели». Наоборот, как раз это и надобно доказать²⁹. Ведь если надо искать ее ради нее самой, значит, и тот, кто ни в ком, кроме себя, не нуждается, может искать ее. – «Как же он будет ее искать?» – Как ищут самое прекрасное, не прельщаясь прибылью, не боясь переменчивости фортуны. Кто заводит друзей на всякий случай, тот лишает дружбу ее величия.

(13) Мудрому никто, кроме него самого, не нужен. Многие, Луцилий, толкуют эту мысль превратно: изгоняют мудреца отовсюду и заставляют его замкнуться в своей скорлупе. Между тем следует разобраться, много ли обещает это изречение и что обещает. Мудрому довольно самого себя для того, чтобы жить блаженно, а не для того, чтобы жить. Для жизни ему многое потребно, а для блаженства только высокий и здоровый дух, презирающий фортуны. (14) Я хочу сослаться на Хрисиппа³⁰, какое он принимает разделение³¹. Он говорит, что мудрец ни в чем не терпит нужды, хотя потребно ему многое, глупому же ничего не требуется, потому что он ничем не умеет пользоваться, зато нужду он терпит во всем. Мудрецу нужны и руки, и глаза, и еще многое, без чего не обойтись в повседневной жизни, а нужды он не терпит ни в чем. Ведь нужда – это необходимость, а для мудрого необходимости нет. (15) Значит, хотя мудрец и довольствуется самим собой, в друзьях он все же имеет потребность и хочет иметь их как можно больше, но не для блаженной жизни, – ведь жить блаженно может он и без друзей. Высшее благо не ищет орудий вовне: оно создается дома и возникает только само из себя. Если же хоть какая-то часть его заимствуется извне, оно уже зависит от фортуны. – (16) «А как будет жить мудрец, если он, взятый под стражу, переселенный на чужбину, замешкавшийся в долгом плавании, выброшенный на пустынный берег, останется без друзей?» – Как Юпитер в ту пору, когда мир расточится³², боги сольются воедино, природа замрет в неподвижности, а сам он успокоится, предавшись думам. Нечто подобное делает и мудрый: он замыкается в себе, остается с самим собой. (17) Покуда, однако, он может вершить дела по своему усмотрению, он, хоть ни в ком, кроме себя, не нуждается, берет жену, хоть ни в ком не нуждается, родит детей, хоть ни в ком не нуждается, не станет жить, если придется жить, не видя ни единого чело-

²⁹ Перевод сделан по чтению одной из рукописей. Во многих из них последняя фраза отсутствует.

³⁰ Хрисипп из Сол (ок. 280–206 гг. до н. э.) – ученик Клеанфа, окончательно сформировавший стоическое учение. Написал 705 трудов, в которых развил теорию познания, нарисовал идеальный образ мудреца и т. д. Диоген Лаэртский писал о нем (VII, 7, 183): «Не было бы Хрисиппа, – не было бы и стой». От Хрисиппа пошли также свойственные стоикам диалектические и терминологические сложности, на которые нередко нападает Сенека.

³¹ Хрисипп различал понятия «терпеть нужду» и «иметь потребность». «Потребность» возникает в предметах, пользу которых человек знает и без которых не может обойтись. Терпеть нужду – значит испытывать душевное сокращение из-за отсутствия какого-либо предмета, независимо от его пользы.

³² По учению стоиков, мир должен погибнуть в огне.

века. К дружбе влечет его не собственная польза, а естественная тяга. Ведь от роду заложено в нас влечение ко многим вещам, в их числе и к дружбе. Подобно тому как всем ненавистно одиночество, подобно тому как стремление жить сообща естественно объединяет человека с человеком, так есть и здесь некое побуждение, заставляющее нас стремиться к дружбе. (18) Но, хоть мудрец и любит как никто друзей, хотя он ставит их наравне с собой, а часто и выше себя, – все же он будет верить, что все его благо в нем самом, и повторит слова Стильпона, того самого, на которого нападает в письме Эпикур. Когда родной город Стильпона был захвачен, когда он потерял жену, потерял детей, а сам вышел из охватившего все пожара один, но по-прежнему блаженный, Деметрий, прозванный из-за множества уничтоженных им городов Полиоркетом³³, спросил его, потерял ли Стильпон что-нибудь, и тот ответил: «Все мое благо со мною!» (19) Вот человек смелый и решительный! Он победил даже победившего врага. Он сказал: «Я ничего не потерял», – и заставил того сомневаться в собственной победе. «Все мое со мной» – со мной справедливость, добродетель³⁴, разумность, сама способность не считать благом то, что можно отнять. Мы дивимся животным, которые могут пройти сквозь огонь без вреда для тела; но насколько удивительнее этот человек, который прошел сквозь вооруженный строй, огонь и развалины без ущерба и вреда для себя! Видишь, насколько легче победить целый народ, чем одного человека? Его речь – это речь стойка, который тоже проносит свое благо нетронутым через сожженные города. Ведь никто, кроме него самого, ему не нужен, – таковы для него пределы счастья. (20) А чтоб ты не думал, будто мы одни бросаемся высокими словами, – знай, что и сам упрекавший Стильпона Эпикур написал сходное изречение, которое ты и соблаговол принять, хотя сегодняшней мой долг уже погашен. «Кому не кажется верхом изобилия то, что есть, тот останется бедняком, даже сделавшись хозяином всего мира». Или же так, если, по-твоему, это звучит лучше (ведь сохранять верность надо не словам, а мыслям): «Кто не считает себя блаженней всех, тот несчастен, даже если повелевает миром». (21) Знай, что мысли эти принадлежат всем и, значит, подсказаны природой, так что их же ты найдешь и у комического поэта:

Несчастен, кто счастливым не сочтет себя.³⁵

Имеет ли значение, как тебе живется, если ты полагаешь, что плохо? (22) «Так что же, – спросишь ты, – если объявит себя блаженным и бесчестно разбогатевший, и хозяин сотен рабов, рабствующий у тысячи хозяев, значит, он и станет блаженным по собственному приговору?» – Нет, важно не то, что он говорит, а что чувствует, и не то, что чувствует сегодня, а то, что всегда. Потому тебе нет причины бояться, что столь великое благо достанется и на долю недостойных. Только мудрому по душе то, что есть, глупость же постоянно страдает, гнушаясь тем, что имеет. Будь здоров.

³³ Деметрий (337–283 гг. до н. э.) – один из «эпигонов» – полководцев, ведших войны за раздел и передел державы Александра Македонского и его наследников. За изобретение осадных машин был прозван Полиоркетом разрушителем городов. Эпизод со Стильпоном пересказывает также Плутарх («Деметрий», IX), по версии которого, Стильпон ответил Деметрию: «Я не видел, чтобы кто-нибудь из твоих воинов унес мое знание».

³⁴ В некоторых изданиях далее следует слово «воздержность», отсутствующее в рукописях.

³⁵ Изречение Публилия Сира.

Письмо X

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Так оно и есть, я не меняю своего мнения: избегай толпы, избегай немногих, избегай даже одного. Нет никого, с кем я хотел бы видеть тебя вместе. Убедись же воочию, как высоко я сужу о тебе, если отваживаюсь доверить тебя тебе самому. Говорят, Кратет³⁶, слушатель того самого Стильпона, о котором я упомянул в предыдущем письме, увидел однажды гуляющего в одиночку юнца и спросил его, что он тут делает один. – «Разговариваю с самим собой», – был ответ. На это Кратет сказал: «Будь осторожен, прошу тебя, и гляди как следует: ведь твой собеседник – дурной человек!» (2) Обычно мы стережем тех, кто в горе или в страхе, чтобы не дать им использовать во зло свое одиночество. Да и никого из людей неразумных не следует предоставлять самим себе: тут-то и обуревают их дурные замыслы, тут и готовят они опасности себе и другим, тут к ним и приходят чередой постыдные вожделения. Тут-то все, что стыд и страх заставляли скрывать, выносится на поверхность души, тут-то она и оттачивает дерзость, подхлестывает похоть, горячит гневливость. Есть у одиночества одно преимущество: возможность никому ничего не открывать и не бояться обличителя, но это и губит глупого, ибо он выдает сам себя.

Вот видишь, как я надеюсь на тебя, вернее, как я за тебя ручаюсь (потому что «надеждой» зовется благо, которое либо будет, либо нет): лучшего товарища, чем ты сам, я для тебя не нахожу. (3) Я возвращаюсь памятью к тем полным силы словам, которые ты произносил с таким благородством. Тогда я поздравил себя и сказал: «Эти слова не просто слетели с языка, у них есть прочное основание. Этот человек – не один из многих, он стремится к спасению». (4) Так и говори, так и живи. Смотри только, чтобы ничто тебя не поработило. Прежние твои моления предоставь воле богов, а сам моли их заново и о другом: о ясности разума и здоровье душевном, а потом только – телесном. Почему бы тебе не молить об этом почаще? Смело проси бога: ничего чужого ты у него не просишь.

(5) Но хочу, как у нас заведено, послать тебе с этим письмом небольшой подарок. Правдивые слова нашел я у Афинодора³⁷: «Знай, что тогда ты будешь свободен от всех вожделений, когда тебе придется молить богов лишь о том, о чем можно молить во всеуслышанье»³⁸. А ведь до чего люди безумны! Шепотом возносят они богам постыднейшие мольбы, чуть кто приблизит ухо – смолкают, но богу рассказывают то, что скрывают от людей. Так смотри, чтобы это наставление нельзя было с пользой прочесть и тебе: живи с людьми так, будто на тебя смотрит бог, говори с богом так, будто тебя слушают люди. Будь здоров.

³⁶ Кратет из Фив (2-я половина IV в. до н. э.) – философ-киник, ученик Диогена. Раздав свое имущество, вел жизнь странствующего философа-проповедника. Его учеником был Зенон.

³⁷ Афинодор (I в. до н. э.) – философ-стоик, сначала – хранитель Пергамской библиотеки, затем (с 70 г.) живший в Риме, в доме Катона Утического (см. прим. 2 к письму XIII).

³⁸ Молиться во всеуслышанье – одно из правил пифагорейцев.

Письмо XI

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Со мною беседовал твой друг, юноша с хорошими задатками; какова его душа, каков ум, каковы успехи – все стало мне ясно, чуть он заговорил. Каким он показал себя с первой пробы, таким и останется: ведь он говорил без подготовки, застигнутый врасплох. И даже собравшись с мыслями, он едва мог преодолеть застенчивость (а это хороший признак в молодом человеке), – до того он залился краской³⁹. Я подозреваю, что это останется при нем и тогда, когда он, окрепнув и избавившись от всех пороков, достигнет мудрости. Никакая мудрость не устраняет природных изъянов тела или души⁴⁰: что заложено в нас рождением, то можно смягчить, но не победить искусством. (2) Некоторых, даже очень стойких людей при виде толпы народа бросает в пот, как будто они устали или страдают от зноя: у некоторых, когда им предстоит выступить с речью, дрожат колени, у других стучат зубы, заплетается язык, губы слипаются. Тут не поможет ни выучка, ни привычка, тут природа являет свою силу, через этот изъян напоминая о себе самым здоровым и крепким.

(3) К числу таких изъянов, я знаю, принадлежит и краска, вдруг заливающая лицо даже самым степенным людям. Чаще всего это бывает у юношей – у них и жар сильнее, и кожа на лице тоньше; но не избавлены от такого изъяна и пожилые, и старые. Некоторых больше всего и надо опасаться, когда они покраснеют: тут-то их и покидает всякий стыд.

(4) Сулла был особенно жесток тогда, когда к лицу его приливалась кровь. Никто так легко не менялся в лице, как Помпей, который непременно краснел на людях, особенно во время схода. Я помню, как Фабиан⁴¹, когда его привели в сенат свидетелем, покраснел, и этот румянец стыда чудо как его красил. (5) Причина этому – не слабость духа, а новизна, которая хоть и не пугает, но волнует неопытных и к тому же легко краснеющих из-за природной предрасположенности тела. Ведь если у одних кровь спокойная, то у других она горячая и подвижная и тотчас бросается в лицо. (6) От этого, повторяю, не избавит никакая мудрость: иначе, если б она могла искоренять любые изъяны, ей была бы подвластна сама природа. Что заложено в нас рождением и строением тела, останется, как бы долго и упорно ни совершенствовался наш дух. И помешать этим вещам так же невозможно, как и вызвать их насильно. (7) Актеры на подмостках, когда подражают страстям, когда хотят изобразить страх или трепет либо предать грусть, подражают лишь некоторым признакам смущения: опускают голову, говорят тихим голосом, смотрят в землю с понурым видом, а вот покраснеть не могут, потому что румянец нельзя ни подавить, ни заставить появиться. Тут мудрость ничего не сулит, ничем не поможет: такие вещи никому не подвластны – без приказа приходят, без приказа исчезают.

(8) Но письмо это уже просит завершения. Получи от меня нечто полезное и целительное и навсегда сохрани в душе: «Следует выбрать кого-нибудь из людей добра и всегда иметь его перед глазами – чтобы жить так, словно он смотрит на нас, и так поступать, словно он видит нас». (9) Этому, мой Луцилий, учит Эпикур. Он дал нам охранителя и провожатого – и правильно сделал. Многих грехов удалось бы избежать, будь при нас, готовых согрешить, свидетель. Пусть душа найдет кого-нибудь, к кому бы она испытывала почтение, чей пример помогал бы ей очищать самые глубокие тайники. Счастлив тот, кто, присутствуя лишь в мыслях другого, исправит его! Счастлив и тот, кто может так чтить другого, что даже память о нем служит образцом для совершенствования! Кто может так чтить другого, тот сам вскоре внушит

³⁹ Ср. у Диогена Лаэртия (VII, 54) рассказ о кинике Диогене, который сказал при виде покрасневшего юноши: «Верь в него: это цвет добродетели!»

⁴⁰ Слова «или души» некоторые издатели нового времени опускают, как противоречащие общему смыслу учения Сенеки.

⁴¹ Фабиан Папирий – один из учителей Сенеки, сперва оратор, затем философ, близкий к стоицизму.

почтение. (10) Выбери же себе Катона, а если он покажется тебе слишком суровым, выбери мужа не столь непреклонного – Лелия. Выбери того, чья жизнь и речь, и даже лицо, в котором отражается душа, тебе приятны; и пусть он всегда будет у тебя перед глазами либо как хранитель, либо как пример. Нам нужен, я повторяю, кто-нибудь, по чьему образцу складывался бы наш нрав. Ведь криво проведенную черту исправишь только по линейке. Будь здоров.

Письмо XII

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Куда я ни оглянусь – всюду вижу свидетельства моей старости, Приехал я в свою загородную и стал жаловаться, что дорого обходится ветхая постройка, а управляющий отвечает мне, что тут виною не его небрежность – он делает все, да усадьба стара. Усадьба эта выросла под моими руками; что же меня ждет, если до того искрошились камни – мои ровесники? (2) В сердцах я ухватился за первый попавшийся повод разбранить его: «А об этих платанах явно никто не заботился: на них и листы нет, и сучья такие высохшие и узловатые, и стволы такие жалкие и облезлые! Не было бы этого, если бы кто-нибудь их окапывал и поливал!» – Он же клянется моим гением⁴², что все делает, ухаживает за ними, ничего не упуская, – но деревья-то старые! А платаны эти, между нами говоря, сажал я сам, я видел на них первый лист. (3) Поворачиваюсь к дверям. «А это кто, – спрашиваю, – такой дряхлый? Правильно сделали, что поместили его в сенях: ведь он уже смотрит за двери. Откуда ты его взял? Какая тебе радость выносить чужого мертвеца?» А тот в ответ: «Ты что, не узнал меня? Ведь я – Фелицион, это мне ты всегда дарил кукол на сатурналии; я сын управляющего Филосита, твой любимец». – «Ясное дело, – говорю я, – он бредит! Это он-то еще малышом стал моим любимцем? Впрочем, очень может быть: ведь у него как раз выпадают зубы».

(4) Вот чем обязан я своей загородной: куда бы ни оглянулся – все показывало мне, как я стар. Что ж, встретим старость с распростертыми объятиями: ведь она полна наслаждений, если знать, как ею пользоваться. Плоды для нас вкуснее всего, когда они на исходе; дети красивей всего, когда кончается детство. Любителям выпить милее всего последняя чаша, от которой они идут ко дну, которая довершает опьянение. (5) Всякое наслаждение свой самый отрадный миг бережет под конец. И возраст самый приятный тот, что идет под уклон, но еще не катится в пропасть. Да и тот, что стоит у последней черты, не лишен, по-моему, своих наслаждений, – либо же все наслаждения заменяет отсутствие нужды в них. Как сладко утомить все свои вожделения и отбросить их! (6) Ты возразишь мне: «Тягостно видеть смерть перед глазами». Но, во-первых, она должна быть перед глазами и у старика, и у юноши – ведь вызывают нас не по возрастному списку. Во-вторых, нет стариков столь дряхлых, чтобы им зазорно было надеяться на лишний день. Каждый день – это ступень жизни, весь наш век разделен на части и состоит из кругов, меньших и больших, охватывающих меньшие. Один из них обнимает все прочие – он тянется от дня рождения до дня смерти; еще один выделяет годы отрочества; есть и такой, что заключает в себе наше детство; есть, наконец, просто год с его четырьмя временами; годовые круги, умножаясь, составляют жизнь. Месяц очерчен меньшей окружностью, теснее всех круг одного дня, но и тот идет от начала к концу, от восхода к закату. (7) Поэтому Гераклит, получивший прозвище из-за темного смысла своих речей⁴³, говорит:

«Один день равен всякому другому». Каждый понимает это на свой лад. Один говорит, что дни равны по числу часов, и не лжет: ведь коль скоро день – это двадцать четыре часа, то все дни непременно равны между собой, так как к ночи прибавляется столько часов, на сколько убывает день. Другой говорит, что любой день равен всем прочим по сходству: в самом протяженном времени нет ничего такого, чего нельзя найти в одних сутках, то есть ничего, кроме дня и ночи, которые оно в чередѣ обращений мира множит, но не изменяет, разве что делает день короче, ночь длиннее или наоборот. (8) Потому каждый день нужно проводить так, словно он замыкает строй, завершает число дней нашей жизни. Когда Пакувий⁴⁴, присвоивший Сирию,

⁴² Гением римляне называли духа-покровителя каждого мужчины, вместе с ним рождавшегося и умиравшего.

⁴³ Прозвище Гераклита – Темный.

⁴⁴ Пакувия как командира легиона в Сирии в 19 г. н. э. упоминает Тацит («Анналы», II, 79). Видимо, был впоследствии

пировал и пьянствовал, справляя по самому себе поминки, его уносили от стола в спальню под рукоплескания его любовников, певших под музыку: βεβίωται, βεβίωται (Он прожил жизнь (греч.)). И каждый день он устраивал себе такой вынос. (9) Мы же то, что он делал от нечистой совести, должны делать с чистой душой и, отправляясь ко сну, говорить весело и радостно:

Прожита жизнь, и пройден весь путь, что судьбой мне отмерен.⁴⁵

А если бог подарит нам и завтрашний день, примем его с радостью. Счастливей всех тот, кто без тревоги ждет завтрашнего дня: он уверен, что принадлежит сам себе. Кто сказал «прожита жизнь», тот каждое утро просыпается с прибылью.

(10) Но пора уже кончать письмо. Ты спросишь: «Неужели оно придет ко мне без подарка?» Не бойся: что-нибудь оно да принесет. Нет, как мог я так сказать? Не что-нибудь, а много! Ведь что лучше изречения, которое я ему вручаю для передачи тебе: «Жить в нужде плохо, но только нет нужды жить в нужде». А почему нет нужды? Потому что к свободе повсюду открыты дороги, короткие и легкие. Поблагодарим бога за то, что никто не может навязать нам жизнь и мы в силах посрамить нужду. – (11) Ты возразишь мне: «Это слова Эпикура; на что тебе чужое?» – Что истинно, то мое. Я не устану потчевать тебя Эпикуром, и пусть знают все, кто слепо твердит его слова и ценит их не за то, что в них сказано, а за то, кем они сказаны: лучшее принадлежит всем. Будь здоров.

(до 32 г.) наместником этой провинции.

⁴⁵ Вергилий. Энеида, IV, 654 (здесь и далее многочисленные цитаты из Вергилия приводятся по изданию: Вергилий. Буколики, Георгики, Энеида. М., 1971. «Буколики» и «Георгики» цитируются в переводе С. Шервинского, «Энеида» – в переводе С. Ошеров).

Письмо XIII

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Я знаю, что у тебя довольно мужества. Ведь и не вооружившись еще спасительными наставлениями, побеждающими все невзгоды, ты уже рассчитывал на себя в борьбе с судьбой – и тем более после того, как схватился с нею вплотную и испытал свою мощь, на которую нельзя полагаться наверняка, покуда не появилось отовсюду множество трудностей, а порой и покуда они не подступили совсем близко. На них испытывается подлинное мужество, которое не потерпит чужого произвола, они проверяют его огнем. (2) Не знавший синяков атлет не может идти в бой с отвагой. Только тот, кто видал свою кровь, чьи зубы трещали под кулаком, кто, получив подножку, всем телом выдерживал тяжесть противника, кто, упав, не падал духом и, опрокинутый, всякий раз вставал еще более непреклонным, – только тот, вступая в бой, не расстается с надеждой. (3) Так вот, чтобы продолжить это сравнение: часто фортуна подминала тебя, но ты не сдавался, а вскакивал с еще большим пылом и стоял твердо, потому что доблесть сама по себе возрастает, если ей бросают вызов. Однако, если тебе угодно, прими от меня помощь, которая может укрепить тебя.

(4) Не столь многое мучит нас, сколь многое пугает, и воображение, мой Луцилий, доставляет нам больше страданий, чем действительность. Я говорю с тобою не на языке стоиков, а по-своему, намного мягче. Мы ведь утверждаем, что все исторгающее у нас вопли и стоны ничтожно и достойно презрения. Но оставим эти громкие, хотя, клянусь богами, и справедливые, слова. Я учу тебя только не быть несчастным прежде времени, когда то, чего ты с тревогой ждешь сейчас же, может и вовсе не наступить и уж наверняка не наступило. (5) Многое мучит нас больше, чем нужно, многое прежде, чем нужно, многое – вопреки тому, что мучиться им вовсе не нужно. Мы либо сами увеличиваем свои страдания, либо выдумываем их, либо предвосхищаем. Первое мы сейчас разбирать не будем: дело это спорное, тяжба только началась. То, что я назову легким, ты – наперекор мне – назовешь мучительным. Я знаю таких, которые смеются под бичами, «и таких, которые стонут от оплеухи». Позже мы увидим, в том ли дело, что сами вещи эти сильны, или в том, что мы слабы. (6) Обещай мне одно: когда тебя со всех сторон начнут убеждать, будто ты несчастен, думай не о том, что ты слышишь, а о том, что чувствуешь, терпеливо размысли о своих делах (ведь ты знаешь их лучше всех) и спроси себя: «Почему они меня оплакивают? Почему дрожат и боятся даже моего прикосновения, словно невзгода может перейти на них? В самом ли деле это беда или больше слывет бедою?» Расспроси самого себя: «А вдруг я терзаюсь и горюю без причины, и считаю бедою то, что вовсе не беда?»

(7) Ты спросишь: «Откуда мне знать, напрасны мои тревоги или не напрасны?» – Вот тебе верное мерило! Мучит нас или настоящее, или будущее, или то и другое вместе. О настоящем судить нетрудно: лишь бы ты был здоров телом и свободен, лишь бы не томила болью никакая обида. Теперь посмотрим, что такое будущее. (8) Сегодняшнему дню нет до него дела. «Но ведь будущее-то наступит!» – А ты взгляни, есть ли верные признаки приближения беды. Ведь страдаем мы по большей части от подозрений, нас морочит та, что нередко оканчивает войны, а еще чаще приканчивает людей поодиночке, – молва. Так оно и бывает, мой Луцилий: мы сразу присоединяемся к общему мнению, не проверяя, что заставляет нас бояться, и, ни в чем не разобравшись, дрожим и бросаемся в бегство, словно те, кого выгнала из лагеря пыль, поднятая пробегающим стадом овец, или те, кого запугивают неведомо кем распространяемые небылицы. (9) Не знаю как, но только вымышленное тревожит сильнее. Действительное имеет свою меру, а о том, что доходит неведомо откуда, пугливая душа вольна строить догадки. Нет ничего губительней и непоправимей панического страха: всякий иной страх безрассуден, а этот – безумен.

(10) Рассмотрим же это дело повнимательней. Вероятно, что случится беда. Но не сей же миг! И как часто неожиданное случается! Как часто ожидаемое не сбывается! Даже если нам предстоит страдание, что пользы бежать ему навстречу? Когда оно придет, ты сразу начнешь страдать, а покуда рассчитывай на лучшее. Что ты на этом выгадаешь? Время! (11) Ведь нередко вмешивается нечто такое, из-за чего надвигающаяся беда, как она ни близка, или задерживается в пути, или рассеется, или падет на голову другому. Среди пожара открывалась дорога к бегству, рухнувший дом мягко опускал некоторых на землю, рука, поднесшая к затылку меч, порой отводила его, и жертве удавалось пережить палача. Ведь и злая судьба непостоянна. Может быть, беда случится, а может, и не случится; пока же ее нет, и ты рассчитывай на лучшее. (12) Иногда, даже когда нет явных признаков, предвещающих недоброе, душа измышляет мнимые, или толкует к худшему слова, которые можно понять двояко, или преувеличивает чью-нибудь обиду и думает не о том, сильно ли обиженный рассержен, а о том, много ли может сделать рассерженный. Но ведь если бояться всего, что может случиться, то незачем нам и жить, и горестям нашим не будет предела. Тут пусть поможет тебе рассудительность, тут собери все душевные силы, чтобы отбросить даже очевидный страх, а не сможешь, так одолей порок пороком умерь страх надеждой. Пусть наверняка придет пугающее нас – еще вернее то, что ожидаемое с ужасом – утихнет, а ожидаемое с надеждой – обманет. (13) Поэтому взвесь надежды и страхи и всякий раз, когда ясного ответа не будет, решай в свою пользу – верь в то, что считаешь для себя лучшим. Но пусть даже страх соберет больше голосов, ты все-таки склоняйся в другую сторону и перестань тревожиться, думая про себя о большинстве людей, которые мечутся в волнении, даже если ничего плохого с ними и не происходит, и не грозит им наверное. Ведь всякий, однажды потеряв покой, готов дать себе волю и не станет верить испуг действительностью. Никто не скажет:

«Кто это говорит – говорит пустое, он либо сам все выдумал, либо другим поверил». Нет, мы сдаемся переносчикам слухов ⁴⁶ (14) и трепещем перед неизвестным как перед неотвратимым, забывая меру настолько, что малейшее сомнение превращается в ужас.

Но мне стыдно так разговаривать с тобою и подносить тебе такие слабые лекарства. Пусть другие говорят: «Может, это и не случится!» Ты говори: «Что с того, если случится? Посмотрим, кто победит! А может быть, все будет мне на пользу и такая смерть прославит всю мою жизнь. Цикута окончательно сделала Сократа великим. Вырви у Катона ⁴⁷ меч, отстоявший его свободу, – и ты отнимешь у него немалую часть славы». (15) Впрочем, я слишком долго тебя уговариваю, хотя нужны тебе не уговоры, а лишь напоминанье. Я не увожу тебя прочь от твоей природы – ты рожден для того, о чем я толкую. Но тем более должен ты умножать и украшать данное тебе благо.

(16) Кончаю это письмо, только припечатаю его своей печатью, то есть поручу ему передать тебе какое-нибудь прекрасное изречение. «Беда глупости еще и в том, что она все время начинает жизнь сначала». Вдумайся сам, Луцилий, лучший из людей, в смысл изречения – и ты поймешь, до чего противно легкомыслие тех, кто ежедневно закладывает основания новой жизни, кто перед кончиной начинает надеяться заново. (17) Огляди всех поодиночке – и сразу попадутся тебе на глаза старики, что с особым усердием готовятся занимать должности, путешествовать, торговать. Что гнуснее старика, начинающего жизнь сначала? Я не прибавил бы имени того, кем эти слова сказаны, если бы они не были так мало известны и принадлежали

⁴⁶ Текст переведен по исправлению Швейгехойзера. Бюхелер предлагает другое исправление: «Мы отдаемся на волю уносящих нас ветров».

⁴⁷ Катан – Марк Порций Катон Младший (95–46 гг. до н. э.), прозванный Утическим. Философ-стоик и государственный деятель, страстный защитник традиционной республики и противник Помпея и Цезаря в пору их союза. С началом их вражды, после вторжения Цезаря в Италию, присоединился к Помпею, а после его разгрома пытался организовать сопротивление Цезарю в Северной Африке. Потерпев неудачу, покончил с собою в Утике (Ливия), бросившись на меч, а потом сорвав повязку со своей раны. Катон – любимый герой писателей стоической оппозиции.

бы к тем расхожим изречениям Эпикура, которые я позволил себе и хвалить, и присваивать. Будь здоров.

Письмо XIV

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Я согласен, что нам от природы свойственна любовь к собственному телу, что мы должны беречь его, не отрицаю, что можно его и холить, но отрицаю, что нужно рабски ему служить. Слишком многое порабощает раба собственного тела – того, кто слишком за него боится и все мерит его меркой. (2) Мы должны вести себя не так, словно обязаны жить ради своего тела, а так, словно не можем жить без него. Чрезмерная любовь к нему тревожит нас страхами, обременяет заботами, обрекает на позор. Кому слишком дорого тело, тому честность недорога. Нет запрета усердно о нем заботиться, но когда потребует разум, достоинство, верность, – надо свергнуть его в огонь.

(3) И все же, насколько возможно, будем избегать не только опасностей, но и неудобств и скроемся под надежной защитой, исподволь обдумав, как можно прогнать то, что внушает страх. Таких вещей три, если я не ошибаюсь: мы боимся бедности, боимся болезней, боимся насилия тех, кто могущественней нас. (4) В наибольший трепет приводит нас то, чем грозит чужое могущество: ведь такая беда приходит с великим шумом и смятением. Названные мною естественные невзгоды – бедность и болезни – подкрадываются втихомолку, не внушая ужаса ни слуху, ни зрению, зато у третьей беды пышная свита: она приходит с мечами и факелами, с цепями и зверьми, натравив их стаю на нашу плоть. (5) Вспомни тут же и о темницах, и о крестах, и о дыбе, и о крюке, и о том, как выходит через рот насквозь пропоротивший человека кол, как разрывают тело мчащиеся в разные стороны колесницы, как напиваются горючей смолой тунику из горючей ткани, – словом, обо всем, что выдумала жестокость. (6) Так нечего и удивляться, если сильнее всего ужас перед бедствием, столь многоликим и так страшно оснащенным. Как палач, чем больше он выложит орудий, тем большего достигнет, ибо один их вид побеждает даже способного вытерпеть пытку, – так нашу душу легче всего подчиняет и умиряет та угроза, которой есть что показать. Ведь и остальные напасти не менее тяжелы – я имею в виду голод и жажду, и нагноения в груди, и лихорадку, иссушающую внутренности, – но они скрыты, им нечем грозить издали, нечего выставлять напоказ. А тут, как в большой войне, побеждает внушительность вида и снаряжения.

(7) Постараемся поэтому никого больно не задевать. Иногда нам следует бояться народа, иногда, если порядки в государстве таковы, что большинство дел проводится через сенат, тех сенаторов, что в милости, иногда же тех людей, кому на погибель народу отдана власть над народом. Сделать всех этих людей друзьями слишком хлопотно – довольно и того, чтобы они не были тебе врагами. Поэтому никогда мудрец не станет гневить власть имущих, наоборот, он будет уклоняться от их гнева, как мореход от бури. (8) Ты, когда ехал в Сицилию, пересек пролив. Неосторожный кормчий пренебрег угрозами южного ветра, от которого становится опасным завиваемое воронками Сицилийское море, и направился не к левому берегу, а к тому, близ которого бушует водоворот Харибды⁴⁸. Зато более осмотрительный кормчий спросит знающих эти места людей, силен ли прибой и не предвещают ли чего облака, – и держит путь подальше от мест, стяжавших дурную славу из-за водоворотов. То же сделает и мудрый: опасного властителя он избегает, но, прежде всего, стараясь избегать его незаметно. Один из залогов безопасности – в том, чтобы не стремиться к ней открыто: ведь от чего мы держимся дальше, то осуждаем. (9) Еще следует нам обдумать, как обезопасить себя от черни. Тут первое дело – не желать того же самого: где соперничество – там и разлад. Во-вторых, пусть не будет у нас ничего такого, что злоумышляющему было бы выгодно отнять: пусть твой труп не даст богатой

⁴⁸ Сицилийское море – часть Средиземного моря у восточного берега Сицилии. Харибда локализовалась в Мессинском проливе (между Сицилийским и Тирренским морем).

добычи. Никто не станет или мало кто станет проливать человеческую кровь ради нее самой. Голого и разбойник пропустит, бедному и занятая шайкой дорога не опасна. (10) Старинное наставление называет три вещи, которых надо избегать: это – ненависть, зависть и презрение. А как этого добиться, научит только мудрость. Тут бывает трудно соблюсти меру: нужно опасаться, как бы, страшась зависти, не вызвать презрения, как бы, не желая, чтобы нас топтали, не дать повода думать, будто нас можно топтать. Многим пришлось бояться оттого, что их можно было бояться. Так что будем умеренны во всем: ведь так же вредно вызывать презрение, как и подозрение.

(11) Вот и выходит, что нужно обратиться к философии: ведь эти писания не только для хороших людей, но и для не слишком дурных, все равно что жреческие повязки⁴⁹. И публичное красноречие, и все, что волнует народ, вызывает вражду, а это занятие, мирное и ни во что не вмешивающееся, никто не презирает, ибо даже у худших из людей его чтят все искусства. Никогда испорченность не окрепнет настолько, никогда не составится такого заговора против добродетели, чтобы имя философии перестало быть чтимым и священным. Впрочем, и философией надо заниматься тихо и скромно. – (12) «Как так? – спросишь ты. – По-твоему, был скромнен в философии Марк Катон, который своим приговором положил конец гражданской войне? Который встал между войсками двух разъяренных вождей? ⁵⁰Который в то время, когда одни поносили Цезаря, другие Помпея, напал на обоих?» – (13) Но можно поспорить, следовало ли тогда мудрецу вмешиваться в дела государства. – «Чего хочешь ты, Марк Катон? Ведь не о свободе идет дело: она давно уже погублена! Вопрос лишь в том, Цезарь или Помпей завладеет государством? Но что тебе до их соперничества? Ни одна сторона – не твоя. Выбор – только из двух властителей. Твое дело, кто победит? Победить может лучший; одержавший победу не может не быть худшим». – Я беру только ту роль, которую Катон играл напоследок; но и предшествующие годы были не таковы, чтобы мудрому допустимо было участвовать в этом разграблении республики. На что, кроме криков и сердитых воплей, был способен Катон, когда народ, подняв его на руки и осыпав плевками, тащил его вон с форума, или когда его уводили прямо из сената в темницу? ⁵¹(14) Позже мы увидим, надо ли мудрому зря тратить силы⁵², а пока я зову тебя к тем стоикам, которые, когда их отстранили от государственных дел, не оскорбляли никого из власть имущих, но удалились, чтобы совершенствовать свою жизнь и создавать законы для рода человеческого. Мудрец не станет нарушать общепринятых обычаев и привлекать внимание народа невиданным образом жизни. – (15) «Ну и что? Неужели будет в безопасности тот, кто следует этому правилу?» – За это я не могу тебе поручиться, как и за то, что человек умеренный всегда будет здоров; и все-таки умеренность приносит здоровье. Бывает, что корабль тонет в гавани; что же, по-твоему, может случиться в открытом море? Насколько ближе опасность к тому, чья предприимчивость неутомима, если праздность не спасает от угроз? Бывает, гибнут и невиновные – кто спорит? – но виноватые – чаще. У бойца остается сноровка, даже если ему пробили доспехи. (16) Кто мудр, тот во всем смотрит на замысел, а не на исход. Начало в нашей власти; что выйдет, решать фортуне, над собой же я не признаю ее приговора. – «А она доставит тебе волнения, доставит неприятности». – Но разбойник не казнит нас, даже когда убивает⁵³.

⁴⁹ Жреческие повязки – убор жреца во время священнодействий; жрец был лицом неприкосновенным.

⁵⁰ Сенека метафорически изображает позицию Катона в начале гражданской войны (январь 49 г. до н. э.), когда тот категорически требовал от Цезаря роспуска войск и поддерживал намерение Помпея удалиться в Испанию, также распустив легионы.

⁵¹ Имеется в виду эпизод борьбы Катона против закона о разделе земель, предложенного Цезарем в год его консульства (59 г. до н. э.). Ср. Плутарх. Катон, XXXIII: «Цезарь предложил еще один закон – о разделе почти всей Кампании... Ему не противоречил никто, кроме Катона. Цезарь приказал прямо с ораторского возвышения отвести его в тюрьму, но и тут Катон не пал духом и не умолк – напротив, по дороге в тюрьму он продолжал говорить о новом законе».

⁵² Некоторые издатели принимают конъектуру Мадвига, предлагающего читать это место так: «...надо ли мудрому стараться о делах государства».

⁵³ Перевод по конъектуре Гроновия.

(17) Ты уже тянешь руку за ежедневной платой. Сегодня заплачу тебе золотом; а коль скоро я упомянул о золоте, то узнай, как тебе получить побольше радости от владения им. «Тот более всех наслаждается богатством, кто меньше всех в богатствах нуждается». Ты просишь открыть, чьи это слова. Чтобы ты видел мою доброжелательность, я взял за правило хвалить чужое. И это взято у Эпикура, либо у Метродора, либо у кого-то еще из их мастерской. (18) Но какая разница, кто сказал? Сказано было для всех. Кто нуждается в богатствах, тот за них боится, а добро, за которое тревожишься, радости не приносит. Если же кто хочет что-нибудь к нему добавить, тот, думая о его умножении, забывает им пользоваться: получает счета, толчется на торжище, листает календарь – и становится из хозяина управляющим. Будь здоров.

Письмо XV

Сенека приветствует Луцилия!

(1) В старину был обычай, сохранившийся вплоть до моего времени, начинать письмо словами: «Если ты здоров, это хорошо, а я здоров». Нам же правильнее сказать: «Если ты занимаешься философией, это хорошо». (2) Потому что только в ней – здоровье, без нее больна душа, и тело, сколько бы в нем ни было сил, здорово так же, как у безумных или одержимых. Так прежде всего заботься о том, настоящем, здоровье, а потом и об этом, втором, которое недорого тебе обойдется, если захочешь быть здоровым.

Упражняться, чтобы руки стали сильнее, плечи – шире, бока – крепче, это, Луцилий, занятие глупое и недостойное образованного человека. Сколько бы ни удалось тебе накопить жиру и нарастить мышц, все равно ты не сравняешься ни весом, ни силой с откормленным быком. К тому же груз плоти, вырастая, угнетает дух и лишает его подвижности. Поэтому, в чем можешь, притесняй тело и освобождай место для духа. ⁽⁵⁴⁾ Много неприятного ждет тех, кто рьяно заботится о теле: во-первых, утомительные упражнения истощают ум и делают его неспособным к вниманию и к занятиям предметами более тонкими; во-вторых, обильная пища лишает его изощренности. Вспомни и о рабах наихудшего разбора, к которым поступают в обучение, хоть этим людям ни до чего, помимо вина и масла⁵⁵, нет дела, и день прошел для них на славу, если они хорошенько вспотели и на место потерянной влаги влили в пустую утробу новое питье, еще в большем количестве. Но ведь жить в питье и потении могут только больные желудком!

(4) Есть, однако, упражнения легкие и недолгие, которые быстро утомляют тело и много времени не отнимают, – а его-то и следует прежде всего считать. Можно бегать, поднимать руки с грузом, можно прыгать, подбрасывая тело вверх или посылая его далеко вперед, можно подпрыгивать, так сказать, на манер салиев⁵⁶, или, говоря грубее, сукновалов⁵⁷. Выбирай какое угодно упражнение, привычка сделает его легким⁵⁸. (5) Но что бы ты ни делал, скорее возвращайся от тела к душе, упражняй ее днем и ночью, ведь труд, если он не чрезмерен, питает ее. Таким упражнениям не помешают ни холод, ни зной, ни даже старость. Из всех твоих благ заботься о том, которое, старея, становится лучше. (6) Я вовсе не велю тебе все время сидеть над книгами и дощечками: и душе нужно дать роздых, но так, чтобы она не расслабилась, а только набралась сил. Прогулка в носилках дает встряску телу и не мешает занятиям: можно читать, можно диктовать, можно беседовать и слушать других; впрочем, и прогулка пешком позволяет делать то же самое.

(7) Не пренебрегай также напряжением голоса, а вот повышать его и понижать по ступеням и ладам я тебе запрещаю. Впрочем, может быть, ты хочешь выучиться, как тебе гулять; тогда допусти к себе тех, кого голод научил невиданным прежде ухищрениям. Один сделает размеренной твою походку, другой будет следить во время еды за твоими щеками, и наглость каждого пойдет настолько далеко, насколько позволят твои терпеливость и доверчивость. Так

⁵⁴ Ср. Гораций. Сатиры, II, 2, 77–78 (пер. М. Дмитриева): Тело, вчерашним грехом отягченное, дух отягчает и пригнетает к земле часть дыхания божественной силы. «Аристон остроумно уподобил атлетов колоннам в гимнасии, ибо они такие же гладкие и каменные. И Диоген-киник на вопрос, почему атлеты почти что лишены чувств или разума, ответил: «Потому что состоят из свиного и бычьего мяса». Был и стих-пословица: «Желудок полон – тонким уж не будет ум». (Примечание Юста Липсия.)

⁵⁵ Маслом атлеты умащали тело.

⁵⁶ Салии – коллегия жрецов Марса; ежегодное празднество их сопровождалось бегом по городу с пением и пляской-прыжками. Само название коллегии связывали со словом «salire» – «прыгать».

⁵⁷ Сукновалы, занимаясь чисткой шерстяной одежды, погружали ее в мочу и топтали, подпрыгивая.

⁵⁸ Место по-разному читается в разных рукописях и изданиях. Можно прочесть его и так: «не требующее выучки и легкое».

что же? Разве с крика, с сильнейшего напряжения голоса начинается речь? Нет, для нас естественно разгорячаться постепенно, так что даже при ссоре сперва говорят, а потом лишь начинают вопить, и никто сразу же не зовет в свидетели квиритов. (8) Поэтому, как бы ни увлек тебя порыв души, произноси речь то с большей, то с меньшей страстью, как голос и грудь сами тебе подскажут. Когда ты хочешь приглушить и умерить голос, пусть он затихает постепенно, а не падает резко; пусть он будет таким же сдержанным, как тот, кто им управляет, и не бушует, как у грубых неучей. Ведь мы делаем все это не для того, чтобы совершенствовался голос, а для того, чтобы совершенствовались слушатели.

(9) Я снял с твоих плеч немалый труд, а теперь вдобавок к этому моему благодеянию награжу тебя греческим подарком⁵⁹. Вот замечательное наставление: «Жизнь глупца безрадостна и полна страха, потому что он все откладывает на будущее». – Ты спросишь, кто это сказал. Да тот же, кто и прежние слова. А какую, по-твоему, жизнь называют глупой? Как у Исиона и Бабы? Как бы не так! Нашу собственную – жизнь тех, кого слепая алчность бросает вдогонку за вещами вредными и наверняка неспособными ее насытить, тех, которые давно были бы удовлетворены, если бы хоть что-то могло нас удовлетворить, тех, кто не думает, как отрадно ничего не требовать, как великолепно не чувствовать ни в чем недостатка и не зависеть от фортуны. (10) Не забывай же, Луцилий, за сколькими вещами ты гонишься, а увидев, сколько людей тебя опередили, подумай о том, сколько их отстало. Если хочешь быть благодарен богам и собственной жизни, думай о том, что ты обогнал очень многих. Но что тебе до других? Ты обогнал себя самого! (11) Установи же для себя предел, за который ты не хотел бы перейти, даже если бы мог: пусть останутся за ним таящие угрозу блага, притягательные для надеющихся и разочаровывающие достигших. Была бы в них хоть какая-то прочность, они бы приносили порой удовлетворение; а так они только распаляют жажду черпающих. Привлекательная внешность вдруг меняется. Зачем мне требовать у фортуны то, что неведомый жребий сулит мне в будущем, вместо того чтобы потребовать у себя не стремиться больше к этому? К чему стремиться? Мне ли копить, забыв о бренности человека? Над чем мне трудиться? Нынешний день – последний. Пусть не последний, но и последний близко. Будь здоров.

⁵⁹ Место сильно испорчено и восстанавливается по-разному. Нами принято чтение большинства изданий.

Письмо XVI

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Я знаю, Луцилий, для тебя очевидно, что, не изучая мудрости, нельзя жить не только счастливо, но даже и сносно, ибо счастливой делает жизнь совершенная мудрость, а сносной – ее начатки. Но и очевидное нуждается в том, чтобы его глубже усвоили и укрепили постоянным размышлением. Труднее сохранить честные намерения, чем возыметь их. Нужно быть упорным и умножать силы усердными занятиями, пока добрая воля не превратится в добрые нравы. (2) Впрочем, мне нет уже нужды укреплять тебя долгими и многословными речами⁶⁰: ведь я знаю твои успехи. Мне известно, откуда берется все, что ты мне пишешь; в нем нет ни притворства, ни прикрас. И все же я скажу, что чувствую: я на тебя надеюсь, но еще в тебе не уверен. И от тебя я хочу того же: ведь у тебя нет причин так легко и быстро поверить в себя. Разберись в самом себе, со всех сторон осмотри себя и проверь, а прежде всего – в чем ты преуспел: в философии или в жизни. (3) Философия – не лицедейство, годное напоказ толпе, философом надо быть не на словах, а на деле. Она – не для того, чтобы приятно провести день и без скуки убить время, нет, она выковывает и закаляет душу, подчиняет жизнь порядку, управляет поступками, указывает, что следует делать и от чего воздержаться, сидит у руля и направляет среди пучин путь гонимых волнами. Без нее нет в жизни бесстрашия и уверенности: ведь каждый час случается так много, что нам требуется совет, которого можно спросить только у нее.

– (4) Кто-нибудь скажет: «Что мне пользы в философии, если есть рок? Что в ней пользы, если правит божество? Что в ней пользы, если повелевает случай?»⁶¹ Ведь неизбежное нельзя изменить, а против неведомого не найти средств. Мои замыслы либо предвосхищены божеством, решившим за меня, что мне делать, либо фортуна не даст им осуществиться». – (5) Пусть одно из этих утверждений верно, Луцилий, пусть все они верны – нужно быть философом! Связывает ли нас непреложным законом рок, божество ли установило все в мире по своему произволу, случай ли без всякого порядка швыряет и мечет, как кости, человеческие дела – нас должна охранять философия. Она даст нам силу добровольно подчиняться божеству, стойко сопротивляться фортуне, она научит следовать велениям божества и сносить превратности случая. (6) Но сейчас не время рассуждать о том, что в нашей власти, если повелевает провидение либо череда судеб влечет нас в оковы, либо господствует внезапное и непредвиденное. Я возвращаюсь к своим наставлениям и увещаниям: не допускай, чтобы порыв твоей души поник и остыл. Сохрани его и добейся, чтобы то, что было порывом, стало состоянием души.

(7) Но, если я хорошо тебя знаю, ты с самого начала высматриваешь, какой подарочек принесет с собою это письмо. Обыщи его – и найдешь. Нет причин восхищаться моей щедростью: до сих пор я раздаривал чужое. Впрочем, почему чужое? Все, что сказано хорошо, – мое, кем бы оно ни было сказано. Как и это, сказанное Эпикуром: «Если в жизни ты соображаешься с природой, то никогда не будешь беден, а если с людским мнением, то никогда не будешь богат». (8) Природа желает малого, людское мнение – бесконечно многого⁶². Пусть ты накопишь столько же, сколько множество богачей, пусть фортуна увеличит твою казну свыше меры, отпущенной частному человеку, пусть она осыпет тебя золотом, оденет в пурпур, даст столько наслаждений и богатств, что ты покроешь землю мрамором и сможешь не только вла-

⁶⁰ Место испорченное и по-разному восстанавливаемое разными издателями.

⁶¹ Рок и божество повелевают миром – по учению стоиков, случай – по учению эпикурейцев.

⁶² Ср. изречение Эпикура (Стобей. «Цветник», XVII): «Спасибо блаженной природе за то, что необходимое она сделала легко доступным, а недоступное – не необходимым».

деть своим добром, но и топтать его ногами. Пусть будут у тебя вдобавок и картины, и статуи, и все, что только создало искусство в угоду роскоши, – излишества лишь научат тебя желать еще большего. (9) Естественные желания имеют предел, порожденные ложным мнением – не знают, на чем остановиться, ибо все ложное не имеет границ. Идя по дороге, придешь к цели, блуждание же бесконечно. Поэтому отойти подальше от всего суетного, и если, домогаясь чего-нибудь, ты захочешь узнать, естественно ли твое желание или слепо, взгляни, может ли оно где-нибудь остановиться. Если, зайдя далеко, ты заметишь, что идти до цели осталось еще больше, знай, что твое желание рождено не природой. Будь здоров.

Письмо XVII

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Брось все это, если ты мудр, или вернее, чтобы стать мудрым, и спеши что есть сил, стремясь к благам духа. Все, что тебя удерживает, смети с дороги или отсеки. – «Но я мешкаю из-за домашних дел, хочу устроить их так, чтобы, и ничего не делая, не знать недостатка, чтобы и меня не тяготила бедность, и я никому не был в тягость». – (2) Если ты так говоришь, то, видимо, тебе не открылись еще вся сила и могущество блага, о котором ты помышляешь. В общих чертах ты различаешь, чем полезна нам философия, а вот отдельные части досконально не видишь, не знаешь, как она помогает нам везде, не ведаешь, что она, говоря словами Цицерона⁶³, и в большом выручает, и до мелочей снисходит. Поверь мне и призови ее в советчики: она убедит тебя не сидеть над подсчетами. (3) Не к тому ли ты стремишься, не ради того ли оттягиваешь срок, чтобы не бояться бедности? А что, если бедность должна быть нам желанна? Многим богатство помешало посвятить себя философии, бедность же ничем не отягчена и не знает страха. Прозвучит сигнал трубы⁶⁴ – бедняк⁶⁵ знает, что не его она зовет; когда кричат о наводнении, он думает о том, как бы выйти самому, а не о том, что бы такое вынести; если надо отплыть в море – гавань не наполнится шумом, не встревожит берег толпа, провожающая одного человека. Нет вокруг него полчища рабов, на прокорм которых нужны целые урожаи заморских стран. (4) Нетрудно прокормить немногие рты, если твои нахлебники не избалованы и хотят лишь насытиться. Голод обходится недорого, привередливость – дорого. Бедности довольно удовлетворить самые насущные желанья.

Почему же ты отказываешься избрать спутницей ту, чьим обычаям подражает и здраво-мыслящий богач? (5) Если хочешь, чтобы твоя душа была свободна, будь или беден, или подобен бедному. Самые усердные занятия не принесут исцеления, если ты не будешь воздержан, а воздержность – это добровольная бедность. – Оставь же эти отговорки: «Того, что есть, мне не хватит, вот когда накоплю столько-то, тогда и предамся целиком философии». – А ведь то, что ты откладываешь и собираешься приобрести напоследок, нужно приобретать раньше всего, с него и начавши. – Ты говоришь: «Я хочу приобрести средства к жизни». – Так учись же, что приобретать! Если что мешает тебе жить хорошо, то хорошо умереть не мешает ничто. (6) Нет причин, почему бедность или даже нищета могли бы отвлечь тебя от философии. Тому, кто к ней стремится, нужно терпеть даже голод. Терпели же его осажденные, видя лишь одну награду за выносливость: не попасть под власть врага. А тут нам обещано много больше: быть навеки свободными, не бояться ни людей, ни богов. Право, этого стоит добиться даже ценою истощения! (7) Войска терпели нужду во всем, питались корнями трав и такою пищей, которую и назвать противно, страдали от голода. И все это – ради царства, и даже – самое удивительное – ради чужого царства. Так не каждый ли согласится вынести бедность, лишь бы освободить душу от безумия? Значит, незачем приобретать что-нибудь заранее – ведь к философии можно прийти и не имея денег на дорогу. (8) Да, это так. А ты, когда все у тебя будет, тогда хочешь получить и мудрость как последнее средство к жизни в придачу, так сказать, ко всем прочим? Так вот, если у тебя есть что-нибудь, займись философией немедленно (откуда ты знаешь, нет ли у тебя даже избытка?), если же ничего нет, ищи мудрость прежде всего остального.

⁶³ В сохранившихся сочинениях Цицерона этих слов нет.

⁶⁴ Сигналом трубы собирали войско; в эпоху Ранней республики неимущие граждане не должны были являться на службу. Возможно, впрочем, что Сенека имеет в виду не этот старинный обычай, а сигнал, подававшийся при казни через бичевание (см. Тацит. Анналы, II, 32).

⁶⁵ Слово «бедняк» введено Бюхелером и Герцем. В старых изданиях – «она (т. е. бедность) знает».

(9) «Но у меня не будет самого необходимого». – Во-первых, этого не может быть, потому что природа требует немногого, а мудрец сообразуется с природой. Если же у него и необходимого не останется, он уйдет из жизни и не будет самому себе в тягость. А если у него будет чем поддержать жизнь, то самое ничтожное и скудное достояние он сочтет за благо и, не заботясь и не тревожась ни о чем, помимо необходимого, даст все, что нужно желудку и плечам, а сам будет весело смеяться над вечно занятыми богачами и бегущими наперегонки ловцами богатства, говоря:

(10) «Зачем откладывать на долгий срок самого себя? Уж не ждешь ли ты часа, когда сразу разбогатеешь, на процентах ли с долга, или на прибыли с товаров, или по завещанию усопшего старика? Мудрость – заместительница богатства: она дает тебе все, что делает ненужным для тебя». Но это относится к другим, ты же человек скорее состоятельный. Живи ты в другой век, ты был бы богат с избытком. А хватает нам во все века одного и того же.

(11) Я мог бы на этом закончить письмо, если бы сам не внушил тебе дурной привычки. Царя парфянского нельзя приветствовать без подарка, так и с тобою нельзя попрощаться без мзды. Что ж, возьму в долг у Эпикура. «Многие, накопив богатство, нашли не конец бедам, а другие беды». (12) Тут нечему удивляться: ведь порок – не в том, что вокруг нас, а в нашей душе. То, что делало обременительной бедность, делает обременительным и богатство. Нет разницы, положишь ты больного на деревянную кровать или же на золотую: куда его ни перенеси, он понесет с собою болезнь⁶⁶. Так же не имеет значения, окажется больная душа в бедности или в богатстве: ее порок всегда при ней. Будь здоров.

⁶⁶ Ср. Гораций. Послания, I, 2, 47–48 (пер. Н. Гинцбурга): Ибо ни дом, ни земля, ни меди и золота груды Прочь лихорадку отвесь от больного владельца не могут.

Письмо XVIII

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Наступил декабрь; весь город в лихорадке; страсти к наслаждениям дана законная сила; везде шум невиданных приготовлений, словно есть разница между Сатурналиями ⁶⁷ и буднями. А разницы-то нет, и мне сдается, прав был тот, кто сказал, что раньше декабрь длился месяц, а теперь весь год. (2) Будь ты здесь, я бы охотно побеседовал с тобою о том, что, по-твоему, следует нам делать: ничуть не менять повседневных привычек или, чтоб не выглядеть нарушителями общих обычаев, веселее обедать и сбросить тогу. Ведь то, что раньше принято было только во время неурядиц, в печальную для государства пору, ⁶⁸теперь делают для удовольствия, меняя одежду ради праздничных дней. (3) Если я хорошо тебя знаю, ты, оказавшись в роли судьи, счел бы, что мы не должны ни во всем уподобляться напаялившей колпаки толпе, ни во всем от нее отличаться. Впрочем, как раз в эти дни и нужно особенно строго повелевать своей душой, чтобы она одна удержалась от удовольствий, когда им предается весь народ. И если она не поддастся заманчивому соблазну наслаждений, то получит вернейшее доказательство своей твердости. (4) Больше стойкости в том, чтобы оставаться трезвым, когда весь народ перепился до рвоты, больше умеренности в том, чтобы, не смешиваясь со всеми, не выделяться и не составлять исключения и делать то же самое, что все, но иначе. Ведь праздничный день можно провести и не предаваясь роскоши.

(5) Однако мне до того нравится испытывать твердость твоей души, что я, по совету великих людей⁶⁹, и тебе советую несколько дней подряд довольствоваться скудной и дешевой пищей, грубым и суровым платьем. И тогда ты скажешь сам: «Так вот чего я боялся?» (6) Пусть среди полной безмятежности душа готовится к трудностям, среди благодеяний фортуны копит силы против ее обид. Солдаты и в мирное время идут в поход, хоть и не на врага, насыпают валы, изнуряют себя ненужной работой, чтобы хватало сил на необходимую. Если не хочешь, чтобы воин дрогнул в бою, закаляй его перед боем. Этому правилу и следовали те, кто каждый месяц подражал беднякам, доходя чуть ли не до нужды, но зато потом не боялся зла, к которому приучил себя. (7) Только не думай, что я говорю о Тимоновых трапезах, о бедных каморках ⁷⁰ и прочих причудах пресытившейся богатствами страсти к роскоши. Пусть у тебя на самом деле будут и жесткая кровать, и войлочный плащ, и твердый грубый хлеб. Терпи все это по два-три дня, иногда и дольше, но не для забавы, а чтобы набраться опыта. И тогда, поверь мне, Луцилий, ты сам порадуешься, насытившись за два асса⁷¹, и поймешь, что для спокойной уверенности не нужна фортуна: что не сверх необходимого, то она даст и гневаясь. (8) И нечего тебе думать, будто ты делаешь что-нибудь особенное: ведь то же самое делают много тысяч рабов, много тысяч бедняков. Твоя заслуга только в том, что ты делаешь это добровольно, и тебе будет легко всегда терпеть то зло, с которым подчас знакомился на опыте. Будем же упражняться на чучеле! И, чтобы фортуна не застала нас врасплох, поближе сойдемся с бедностью! (9) Сам наставник наслаждений Эпикур установил дни, когда едва утолял голод, желая посмотреть, будет ли от этого изъян в великом и полном блаженстве, велик

⁶⁷ Сатурналии праздновались в эпоху Сенеки с 17 декабря в течение недели. Обычная одежда заменялась на мягкое шелковое платье и остроконечный колпак, все предавались веселью и удовольствиям в память о царстве Сатурна – Золотом веке.

⁶⁸ В начале гражданской войны многие приверженцы республики, по примеру Катона Утического, облачились в темные тоги.

⁶⁹ ...великих людей... – Пифагора, Сократа, Эпикура.

⁷⁰ Тимоновы трапезы – скромные трапезы в одиночестве, названные так по имени знаменитого афинского человеконенавистника. Бедные каморки – особые комнаты в домах римских богачей, «упражнявшихся в бедности», чтобы задобрить богиню Немесиду, чей культ распространился в период Ранней империи.

⁷¹ Асс – самая мелкая медная монета.

ли он будет и стоит ли возмещать его ценой больших трудов. Как раз об этом он говорит в письмах к Полиену, написанных в год архонтства Харина⁷². В них он хвалится, что истратил на еду меньше асса, а Метродор, чьи успехи меньше, – целый асс. – (10) «И ты думаешь, что такой пищей можно насытиться?» – Да, и еще получать наслаждение. Не то легкое, мимолетное, которое нужно каждый раз испытывать заново, а неизменное и постоянное. Пусть не так уж вкусны вода и мучная похлебка и ломоть ячменного хлеба, – но великое наслаждение в том, что ты способен даже ими наслаждаться и ограничить себя пищей, которой не отнимет враждебность фортуны. (11) В тюрьме еда обильнее, осужденных на смертную казнь их будущий убийца кормит менее скудно. Каким же величием души наделен добровольно нисходящий до того, чего не приходится бояться даже приговоренным к смерти! Это и значит заранее отвращать удары судьбы. (12) Начни же, мой Луцилий, следовать их обычаю и определи несколько дней на то, чтобы отойти от своих дел и приучить себя довольствоваться самым малым. Пора завязать знакомство с бедностью.

Гость мои, решишь, и презреть не страшишься богатства, и дух свой Бога достойным яви! ⁷³

(13) Только тот достоин бога, кто презрел богатства. Я не запрещаю тебе владеть ими, но хочу сделать так, чтобы ты владел ими без страха, а этого ты не достигнешь иначе, как убедившись, что можно счастливо жить и без них, и привыкнув смотреть на них как на нечто преходящее. (14) Я уже начал было складывать это письмо, но ты сказал мне:

«Раньше отдай, что должен!» Отправлю тебя к Эпикуру: он заплатит за меня. «Неумеренный гнев порождает безумие». Ты не можешь не знать, насколько это правильно: ведь у тебя был и раб, и враг. (15) Эта страсть может загореться против кого угодно, она рождается и из любви, и из ненависти, и среди важных дел, и среди игр и забав. Не то имеет значение, велика ли причина, вызвавшая ее, а то, какой душой она овладеет. Так же точно не то имеет значение, велик ли огонь, а то, куда он попадет: твердое не загорится и от самого сильного пламени, а сухое и легко воспламеняемое даже искру вырастит до пожара. Да, Луцилий, слишком сильный гнев кончается безумием, поэтому следует избегать его не только во имя сдержанности, но и ради здоровья. Будь здоров.

⁷² У греков год обозначался – именем одного из архонтов, как у римлян именами консулов. Архонтство Харина – 307/308 г. до н. э.

⁷³ Вергилии. Энеида, VIII, 364–365.

Письмо XIX

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Я радуюсь каждому твоему письму. Они уже не обещают, а ручаются за тебя, и от них надежда моя растет. Сделай вот что, прошу тебя и заклинаю. Есть ли просьба к другу прекраснее той, когда просишь его ради него самого? Если можешь, освободись от своих дел, если не можешь – вырвись силой. Мы растратили немало времени, так начнем же хоть в старости собираться в путь. (2) Чему тут завидовать? Мы прожили жизнь в открытом море, надо хоть умереть в гавани. Я не уговариваю тебя искать себе славы праздностью: досугом незачем похвально, как незачем и скрывать его. Нет, хоть я и осуждаю безумье рода человеческого, но никогда не дойду до того, чтобы желать тебе спрятаться во тьме и забвении; поступай так, чтобы досуг твой был виден, но в глаза не бросался. (3) И еще: в пору первых, ничем не предпрешенных замыслов люди могут обдумать, жить ли им в неизвестности. Ты же не волен выбирать: тебя уже вывели на средину сила дарования, изящество сочинений, прославленные и благородные друзья. Тебя уже настигла известность. Как бы глубоко ты ни погрузился, как бы далеко ни спрятался, тебя обнаружит сделанное тобою ранее. (4) В потемках тебе не быть: куда ни убегай, всюду будет падать на тебя отблеск прежнего света. Однако покой ты можешь добыть, ни у кого не вызвав ненависти, ни о ком не тоскуя и не чувствуя в душе угрызений. Разве среди покидаемых тобою есть такие, что о разлуке с ними ты и подумать не в силах? Твои клиенты? Но любому из них не нужен ты сам, а нужно что-нибудь от тебя. Твои друзья? Это когда-то искали дружбы, теперь ищут добычи, изменяют завещание одинокие старики – и все приходившие к ним на поклон переключаются к другому порогу. Не может большое дело стоить дешево: взвесь, кого ты предпочтешь потерять – себя самого или кого-нибудь из близких. (5) О, если бы тебе до старости был отпущен тот же скромный удел, что твоим родителям, если бы судьба не вознесла тебя высоко! Но быстрое счастье унесло тебя далеко, здоровую жизнь скрыли от твоих глаз провинция, прокураторская должность и все, что они сулят. Одна за другою ждут тебя новые обязанности. (6) А где конец? Чего ты дожидаясь, чтобы прекратить это? Исполнения всех желаний? Такое время не наступит! Какова цепь причин, из которых, как мы говорим, сплетается судьба, такова и цепь желаний: одно родит другое. Ты дошел до такой жизни, которая сама по себе никогда не положит предела твоим несчастьям и рабству. Вынь натертую шею из ярма: пусть ее лучше однажды перережут, чем все время давят. (7) Если ты уйдешь в частную жизнь, всего станет меньше, но тебе хватит вдоволь, а теперь тебе мало и того многого, что стекается отовсюду. Что же ты выберешь: сытость среди нужды или голод среди изобилия? Счастье алчно и не защищено от чужой алчности. Покуда ты будешь на все зариться, все будут зариться на тебя.

– (8) «Какой же у меня есть выход?» – Любой! Подумай, как много стараний ты наудачу тратил ради денег, как много трудов – ради почестей; надо решиться на что-нибудь и ради досуга, или же тебе придется состариться среди тревог прокураторской, а потом и городских должностей, среди суеты и все новых волн, от которых не спасут тебя ни скромность, ни спокойная жизнь. Какая важность, хочешь ли ты покоя? Твоя фортуна не хочет! Как же иначе, если ты и сейчас позволяешь ей расти? Чем больше успехи, тем больше и страх. (9) Здесь я хочу привести тебе слова Мецената⁷⁴ – истину, вырванную у него тою же пыткой: «Вершины сама их высота поражает громом». В какой книге это сказано? – В той, что называется «Про-

⁷⁴ Меценат, Гай Цильний (род. между 74 и 64 гг. до н. э. – ум. 8 г. до н. э.) – сподвижник и друг Августа, организатор его идеологической политики. Собрал кружок поэтов, в который входили Вергилий, Гораций, Проперций, Варий и др. Сам писал стихи и прозу в пышном «азианском» стиле. Под «пыткой» Сенека, возможно, разумеет бессонницу, мучившую Мецената последние годы жизни. Изнеженный образ жизни Мецената и его стиль – обычные объекты нападок Сенеки.

метей». Этим он хотел сказать, что удары грома поражают вершины. Любое могущество стоит ли того, чтобы речь твоя стала, как у пьяного? Он был человек одаренный и дал бы превосходные образцы римского красноречия, если бы счастье не изнежило, не выхолостило его. И тебя ждет то же, если ты не подберешь паруса и не повернешь к земле (а он решился на это слишком поздно).

(10) Я мог бы рассчитаться с тобою этим изречением Мецената, но ты, сколько я тебя знаю, затеешь со мной спор и не захочешь принять долг иначе как чистой и новой монетой. А раз так, придется мне брать займы у Эпикура. «Прежде смотри, с кем ты ешь и пьешь, а потом уже, что ешь и пьешь. Ведь нажираться без друзей – дело льва или волка». (11) Это, пока ты не скроешься в уединенье, будет тебе недоступно; а до тех пор у тебя будет столько сотрапезников, сколько выберет из толпы пришедших на поклон твой номенклатор⁷⁵. Заблуждается тот, кто ищет друзей в сениях, а испытывает их за столом. Величайшая беда человека, занятого и поглощенного своим имуществом, – в том, что он многих мнит друзьями, не будучи им другом, и думает, будто приобретает друзей благодеяниями, тогда как люди больше всего ненавидят тех, кому больше обязаны. Малая ссуда делает человека твоим должником, большая – врагом. – (12) «Так что же, благодеяниями мы не приобретем друзей?» – Приобретем, если можно выбрать, кому их оказывать, и не разбрасывать их, а распределять. Поэтому, пока не наберешься своего ума, слушайся совета мудрых: дело не в том, что ты дал, а в том, кому дал. Будь здоров.

⁷⁵ Номенклатор – раб, обязанный на улице подсказывать господину имена встречаемых, а дома – имена рабов и клиентов.

Письмо XX

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Я рад, если ты здоров и считаешь себя достойным когда-нибудь стать хозяином самому себе. Ведь если я вытащу тебя из волн, по которым ты носился без надежды на избавление, слава достанется мне. Моими просьбами я побуждаю тебя, Луцилий, проникнуться философией до глубины души, видеть доказательство своих успехов не в речах и писаниях, а в стойкости духа и в убыли желаний. Слова подтверждай делами! (2) У выступающих с речами перед публикой и желающих добиться от нее похвал одно намеренье, у старающихся пленить слух молодежи и бездельников – другое. Философия же учит делать, а не говорить. Она требует от каждого жить по ее законам, чтобы жизнь не расходилась со словами и сама из-за противоречивых поступков не казалась пестрой. Первая обязанность мудрого и первый признак мудрости – не допускать расхождения между словом и делом и быть всегда самим собою. – «Но есть ли такие?» – Есть, хоть их и немного. Это нелегко. Но я и не говорю, что мудрый должен все время идти одинаковым шагом, – лишь бы он шел по одной дороге. (3) Так следи, нет ли противоречия между твоим домом и одеждой, не слишком ли ты щедр в тратах на себя и скуп в тратах на других, не слишком ли скромн твой стол, между тем как постройки слишком роскошны. Выбери раз навсегда мерило жизни и по нему выпрямляй ее. Некоторые дома жмутся, а на людях разворачиваются во всю ширь. Такое несоответствие – тоже порок и признак души нестойкой, не обретшей равновесия. (4) Я и сейчас могу сказать, откуда это непостоянство и разноречивость в поступках и в замыслах. Никто не знает твердо, чего хочет, а если и знает, то не добивается своего с упорством, а перескакивает на другое и не только меняет намерения, но и возвращается вспять, к тому, от чего ушел и что сам осудил.

(5) Так вот, если я захочу отказаться от старых определений мудрости и обнять всю человеческую жизнь, то смогу довольствоваться таким правилом: что есть мудрость? всегда и хотеть и отвергать одно и то же. И незачем тебе даже вводить ограничение, говоря, что желать надо честного и правильного: ведь ничто другое не может привлекать всегда. (6) Люди не знают, чего хотят, до того мига, пока не захотят чего-нибудь. Захотеть или не захотеть раз навсегда не дано никому. Суждения непостоянны, каждое, что ни день, сменяется противоположным, и большинство людей живет как будто шутя. А ты будь упорен в том, что начал, и тогда, быть может, достигнешь вершин или тех мест, про которые ты один будешь знать, что это еще не вершины. – (7) «А что будет, – спросишь ты, – со всей толпой моих присных?» – Толпа эта, когда перестанет кормиться за твой счет, сама тебя прокормит – или же благодаря бедности ты узнаешь то, чего не мог узнать благодаря себе. Она удержит при тебе лишь истинных, надежных друзей, любой, кто тянулся не к тебе, а к чему-то еще, уйдет. Так не должно ли любить бедность за то одно, что она ясно показывает, кто нас любит? Наступит ли, наконец, день, когда никто не будет лгать в твою честь? (8) К одному пусть будут устремлены твои мысли, об одном заботься, одного желай, предоставив все прочие мольбы на усмотренье богу: чтобы ты мог довольствоваться самим собой и порожденными тобою благами. Какое еще счастье можем мы найти так близко? Ограничься немногим, чего нельзя отнять! А чтобы ты сделал это охотнее, я немедленно выплачу причитающуюся тебе в этом письме дань, ибо она будет относиться сюда же. (9) Ты можешь сердиться, но за меня и сегодня охотно рассчитается Эпикур. «Поверь мне, твои слова, сказанные в рубище, с убогого ложа, покажутся величавее, ибо тогда они будут не только произнесены, но и доказаны». Я, например, совсем по-иному слушаю нашего Деметрия⁷⁶ с тех пор, как увидел его ничем не покрытого и лежащего даже не на подстилке. Вот он – не

⁷⁶ Деметрий (I в. н. э.) – моралист-киник, о котором Сенека («О блаженной жизни», XVIII, 3) писал: «Увидев, в какой крайней бедности проводит он жизнь, я по-другому слушаю его и читаю». Деметрий нападал на Нерона, впоследствии – при

проповедник истины, а ее свидетель. – (10) «Что же выходит? Разве нельзя презирать богатство и тогда, когда оно у тебя в руках?» – Почему же нельзя? Велик духом и тот, кто, видя вокруг богатства, немало удивлен тем, как они к нему попали, смеется и не столько чувствует себя их владельцем, сколько знает об этом понаслышке. Это очень много – не развратиться, живя под одной кровлей с богатством. Велик тот, кто и в богатстве беден⁷⁷. – (11) «Но я не знаю, – скажешь ты, – как он будет, обеднев, выносить бедность». – И я не знаю, сумеет ли этот Эпикуров бедняк, разбогатея, презирать богатство. Значит, о них обоих нужно судить по тому, каков их дух, и смотреть, будет ли первый предан бедности, а второй не будет ли предан богатству. И убогое ложе, и рубище – слабые свидетельства доброй воли, если не будет ясно, что человек терпит их не из нужды, но по своему выбору. (12) Даже тот, кто не спешит к нищете как к лучшему уделу, а лишь решит готовиться к ней как к уделу легкому, наделен от природы великой душой. А бедность, Луцилий, не только легка, но и приятна, если прийти к ней после долгих раздумий. Ведь она несет с собою то, без чего нет никакой приятности: чувство безопасности. (13) Вот почему и считаю я необходимым делать то же, что нередко делали, как я тебе писал, великие люди: выбрать несколько дней и упражняться в воображаемой бедности, готовясь к настоящей. Это следует делать тем более, что мы изнежились в удовольствиях и все нам кажется тяжелым и трудным. Душу нужно пробудить от сна, встряхнуть ее и напомнить ей, что природа отпустила нам очень мало. Никто не рождается богатым. Кто бы ни появился на свет, любой по ее велению довольствуется молоком и лоскутом. Так мы начинаем – а потом нам и царства тесны. Будь здоров.

Веспасиане и Домициане – дважды был изгнан из Рима.

⁷⁷ После этих слов следуют слова, считающиеся поздней вставкой: «Но спокойней тот, у кого нет богатства».

Письмо XXI

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Ты полагаешь, что у тебя так много хлопот из-за тех людей, о которых ты пишешь? Больше всего хлопот ты доставляешь себе сам, ты сам себе в тягость: чего хочешь – не ведаешь, все честное хвалишь, но к нему не стремишься, видишь, где счастье, но дойти до конца не решаешься. А так как ты сам не очень-то различаешь, что тебе мешает, я назову причину: ты думаешь, будто отказываешься от многого, и блеск той жизни, которую придется покинуть, удерживает тебя, словно тебе предстоит не давно задуманный переход к безмятежности, а падение в нищету и безвестность. (2) Ты ошибаешься, Луций: путь от прежней жизни к новой ведет наверх. Между прежней и новой жизнью та же разница, что между блеском и светом: свет имеет определенный источник и яркое сам по себе, блеск сверкает заемными лучами. Превышавшая жизнь отражает приходящее извне сверканье и, едва кто-нибудь его заслонит, погружается в плотную тень, а новая сияет собственным светом. Твои занятия сделают тебя именитым и славным. Приведу тебе пример из Эпикура. (3) Идоменею⁷⁸, вершившему на службе у суровой власти важные дела, он писал, призывая его от жизни, блистательной на вид, к надежной и стойкой славе:

«Если тебя волнует слава, то мои письма дадут тебе больше известности, чем все, чему ты служишь и что ставят тебе в заслугу». (4) Разве он солгал? Кто знал бы Идоменея, если бы Эпикур не начертал его имени своим резцом? Все вельможи и сатрапы и сам царь, от которого Идоменея получил свой титул, поглощены глубоким забвением. Имени Аттика⁷⁹ не дают погибнуть письма Цицерона. Тут не помогло бы ни то, что зятем его был Агриппа, ни то, что внучка его была замужем за Тиберием и Цезарь Друз⁸⁰ приходился ему правнуком: среди столь громких имен об Аттике и помину бы не было, если бы Цицерон не связал его имя со своим. (5) Всех нас скроет глубокая пучина времени, лишь немногие самые одаренные вынырнут из нее и, хотя когда-нибудь их поглотит то же самое молчание, будут сопротивляться забвению и надолго себя отстоят. То же, что мог обещать другу Эпикур, обещаю и я тебе, Луций. Я буду дорог потомкам и могу увековечить имена тех, кого приведу с собою. Наш Вергилий и обещал двоим навсегда упрочить их память, и упрочил ее:

Счастье вам, други!
Коль есть в этой песне некая сила,
Слава о вас никогда не сотрется из памяти века,
Капитолийским доколь нерушимым утесом владеет
Род Энея и власть вручена родителю римлян.⁸¹

(6) Кого фортуна выносит наверх, кто причастен чужой власти как ее орудие, тот дорог другим, покуда сам в силе; дом у таких полон людьми при их жизни, но память о них умирает

⁷⁸ Пламеней из Лампсака (конец IV – начало III в. до н. э.) – зять и ученик Эпикура, автор сочинения «О сократиках».

⁷⁹ Аттик, Тит Помпоний (110–32 гг. до н. э.) – римский всадник, писатель и издатель. Принципиально уклонялся от государственной деятельности, больше 20 лет прожил в Афинах. Ближайший друг Цицерона, чьи письма к Аттику составляют 16 книг.

⁸⁰ Агриппа, Марк Випсаний (62–12 гг. до н. э.) – полководец и ближайший сподвижник Августа, второй человек в государстве после принцепса. Первым браком был женат на дочери Аттика Помпонии, вторым – на дочери Августа Юлии Старшей. Его дочь от Помпонии, Випсания Агриппа, была первой женой Тиберия и матерью его единственного сына Друза Цезаря (13 г. до н. в. – 23 г. н. э.).

⁸¹ Вергилий. Энеида, IX, 446–449. Поэт обращается к двум своим героям, Нису и Эвриалу, мужественно погибшим в бою. Капитолийский утес – Капитолий, средоточие государственных святынь Рима. Род Энея – род Юлиев, к которому принадлежал Август, получивший титул «отца отчизны».

скоро по их смерти. А великие дарования ценят чем дальше, тем выше, и чтят не только их, но и все, что причастно их памяти. (7) А чтобы Идомений проник в мое письмо не задаром, пусть заплатит тебе выкуп из своих средств. Это ему написал Эпикур превосходное изречение, убеждая его умножить богатство Пифокла⁸², но не обычным сомнительным путем: «Если ты хочешь сделать Пифокла богатым, нужно не прибавлять ему денег, а убавлять его желания». (8) В этом изречении все сказано слишком ясно для того, чтобы его толковать, и слишком прекрасно для того, чтобы его подкреплять. Только об одном тебя предупреждаю: не думай, будто это говорится лишь о богатстве; к чему ты ни отнесешь эти слова, они не потеряют силы. Если ты хочешь сделать Пифокла честным, надо не прибавлять ему новых почестей, а убавить его желания; если ты хочешь, чтобы Пифокл жил, не переставая наслаждаться, надо не прибавлять ему наслаждений, а убавить его желания; если ты хочешь, чтобы Пифокл достиг старости, прожив весь срок, надо не прибавлять ему годов, а убавить его желания. (9) Тебе нет причин полагать, будто слова эти принадлежат лишь Эпикуру: они – общее достояние. Я считаю, что в философии надо делать то же, что в сенате; когда чье-нибудь предложение мне нравится только отчасти, я прошу разделить его и присоединяюсь лишь к тому, что одобряю. Я так охотно вспоминаю замечательные слова Эпикура, ибо всем, кто обращается к нему с дурным умыслом, в надежде найти завесу для собственных пороков, хочу доказать, что нужно жить честно, куда бы они ни шли. (10) Когда они подойдут к его садам и увидят над садами надпись: «Гость, здесь тебе будет хорошо, здесь наслаждение считается высшим благом», – их с готовностью примет радушный и человеколюбивый хранитель этого убежища, и угостит ячменной похлебкой, и щедро нальет воды, и скажет: «Плохо ли тебя приняли? Эти сады не разжигают голод, а утоляют, и напитки здесь не распаляют жажду – нет, ее утоляет лекарство естественное и даровое. Среди таких наслаждений я состарился».

(11) Я говорю с тобою о тех желаниях, которые нельзя утишить, которым надобно что-нибудь поднести, чтобы они умолкли. А о чрезвычайных желаниях, с которыми можно повременить, которые можно подавить порицанием, я скажу только одно: такое наслаждение естественно, но не необходимо⁸³. Ему ты ничего не должен, а если что и уделаешь ему, то лишь по доброй воле. Желудок не слушает наставлений: он просит и требует своего – и все же не такой уж он докучливый заимодавец, ибо довольствуется малым, если ты дашь ему, сколько должен, а не сколько можешь. Будь здоров.

⁸² Пифокл – ученик Эпикура, красавец-юноша, талант которого учитель ценил особенно высоко.

⁸³ Ср. Цицерон. Тускуланские беседы, V, 33 (Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975, пер. М. Гаспарова): «Эпикур делит желания на три рода...: во первых, естественные и необходимые; во вторых, естественные, но не необходимые; в третьих, ни те ни другие. Необходимые желания удовлетворяются сущим пустяком: ведь богатства природы у нас под руками. Желанья второго рода не трудны для достижения, но нетрудно обойтись и без них. Наконец, желанья третьего рода, пустые, чуждые и природе, и необходимости, следует вовсе искоренять».

Письмо XXII

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Ты понял уже, что пора освободиться от всех этих на вид почетных, на деле никчемных занятий, и спрашиваешь только, как этого достичь. Но иные советы нельзя давать за глаза. Врач не может выбрать время для еды или купания по письмам, он должен пощупать, как бьется жила. Старая пословица гласит: «Гладиатор принимает решение на арене»; здесь внимательному взгляду что-то подскажет лицо противника, что-то – движение его руки или даже наклон тела. (2) Что делается обычно, что подобает делать – такие советы можно дать и через посредника, и в письме; общие наставления даются не только отсутствующим, но и потомкам. Другое дело – сказать, когда и как должно что-нибудь делать: тут нельзя убедить на расстоянии и нужно решать смотря по обстоятельствам. (3) Только на месте, да и то при неусыпном внимании, можно не упустить мимолетный случай. Так высматривай его сам, а увидев, хватай и со всем пылом, изо всех сил старайся избавиться от своих обязанностей. Выслушай же мой тебе приговор: выбирай, уйти ли тебе от такой жизни или вообще из жизни. Но притом, я полагаю, идти надо не спеша и то, что ты на горе себе запутал, – распутать, а не разорвать, и только, если уж ничего нельзя будет распутать, тогда все оборвать. Даже самый робкий предпочел бы один раз упасть, нежели все время висеть. (4) А покуда – самое главное! – не бери на себя еще больше. Довольствуйся теми делами, до которых ты уже опустился, или, как ты сам хочешь думать, в плену которых очутился. Незачем поднимать все новые тяжести, не то ты лишишься этой отговорки и станет ясно, что вовсе ты не в плену. Ведь неправда все, что говорится обычно: «Иначе я не мог! Что с того, что я не хотел? Это было необходимо». Гнаться изо всех сил за счастьем нет никакой необходимости. Пусть ты не противишься фортуне, но даже остановиться и не мчаться с попутным ветром – уже немалое дело.

(5) Ты не обидишься, если я не только сам приду к тебе с советом, но и приведу тех, кто мудрее меня и к кому я обращаюсь, принимая любое решение? Прочти относящееся к нашему делу письмо Эпикура, обращенное к Идоменею, которого он просит насколько возможно поспешить с бегством, пока не вмешалась высшая сила и не отняла возможности уйти. (6) Впрочем, он же добавляет, что, не выбрав подходящего для попытки времени, нечего и пытаться, зато когда долгожданное время придет, нужно сразу же вскакивать. Замыслившему побег он запрещает дремать и надеется, что из самого трудного положения есть спасительный выход, если не спешить прежде времени и не мешкать, когда время настанет. (7) Наверно, ты спросишь, каково на этот счет мнение стоиков. Ни у кого нет повода хулить их перед тобою за безрассудство: они скорее осторожны, чем храбры. Ты, быть может, ожидаешь услышать: «Позорно отступать перед тяжелым грузом. Борись, чтобы выполнить долг, раз уж взял его на себя. Нельзя назвать отважным и решительным того, кто бежит от работы, чье мужество не возрастает от трудности дела». (8) Но так тебе скажут, если твой труд заслуживает упорства, если не придется ни делать, ни терпеть ничего такого, что недостойно человека добра. А иначе стоик не станет изнурять себя грязной и унижительной работой и заниматься делами ради самих дел. И не будет он поступать так, как ты предполагаешь: запутавшись в делах, навязанных честолюбием, терпеть до конца все их превратности. Едва увидев, как тяжело, сомнительно и ненадежно все то, в чем он погряз, он отступит и, не бросаясь в бегство, незаметно отойдет в безопасное место. (9) Отойти от дел, мой Луцилий, нетрудно, если пренебречь их плодами. Только они нас держат и не пускают. – «Как же так? Отказаться от больших надежд? Уйти прочь перед самой жатвой? Голо будет вокруг? Никого рядом с носилками? Пусто в прихожей?» – Со всем этим расстаются неохотно и, кляня невзгоды, любят приносимую ими выгоду. (10) На свое честолюбие люди жалуются, словно на любовницу, а если посмотреть их подлинные чувства, обнаружится не ненависть, а мимолетная обида. Испытай сетующих на то, чего сами желали, и

твердящих о бегстве от всего, без чего им не обойтись, – и ты увидишь, что они по доброй воле медлят сбросить бремя, которое, по их словам, им так больно и горько нести. (11) Да, это так, Луций: немногих удерживает рабство, большинство за свое рабство держится. Но если ты намерен от него избавиться и без притворства любишь свободу, а советчиков созываешь лишь затем, чтобы, сделав дело, не испытывать вечной тревоги, то почему бы не ободрить тебя всей когорте стойков? И Зеноны и Хрисиппы будут уговаривать тебя действовать неопрометчиво, честно и к твоей же пользе. (12) Но если ты изворачиваешься ради того, чтобы высмотреть, сколько надо взять с собою, большие ли деньги потребны, чтобы всем обставить свой досуг, ты никогда не найдешь выхода. Никто не выплывет с ношей. А ты вынырни для лучшей жизни, и пусть боги будут к тебе благосклонны, – только не как к тем, кому они с добрым и кротким видом посылают пышные невзгоды, имея одно оправдание: что все эти костры и пытки даются лишь по просьбе.

(13) Я уже запечатывал это письмо, однако приходится его вскрыть: пусть придет к тебе с обычным подарком и принесет с собою какое-нибудь замечательное изречение. Одно мне уже вспомнилось, не знаю, чего в нем больше, красноречия или правды. Ты спросишь, чье оно? – Эпикура. Я до сих пор присваиваю чужие пожитки. (14) «Каждый уходит из жизни так, словно только что вошел». Возьми кого угодно – хоть юношу, хоть старика, хоть человека средних лет: ты обнаружишь, что все одинаково боятся смерти, одинаково не знают жизни. Ни у кого нет за спиною сделанных дел: все отложили мы на будущее. А мне в этих словах больше всего по душе то, как в них корят стариков за ребячество. – (15) «Каждый уходит из жизни таким, каким родился». – Неправда! В час смерти мы хуже, чем в час рождения. И виновны тут мы, а не природа. Это ей пристало жаловаться на нас, говоря: «Как же так? Я родила вас свободными от вожделений, страхов, суеверий, коварства и прочих язв; выходите же такими, какими вошли!» (16) Кто умирает таким же безмятежным, каким родился, тот постиг мудрость. А мы теперь трепещем, едва приблизится опасность: сразу уходит и мужество, и краска с лица, текут бесполезные слезы. Что может быть позорнее, чем эта тревога на самом пороге безмятежности? (17) А причина тут одна: нет у нас за душой никакого блага, вот мы и страдаем жаждой⁸⁴ жизни. Ведь ни одна ее частица не остается нашей: минула – унеслась прочь. Все заботятся не о том, правильно ли живут, а о том, долго ли проживут; между тем жить правильно – это всем доступно, жить долго – никому. Будь здоров.

⁸⁴ Слово «жажда» дает одно из первоизданий, однако без него смысл восстанавливается лишь с натяжкой.

Письмо XXIII

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Ты думаешь, я буду писать тебе о том, как мягко обошлась с нами эта зима, не слишком холодная и недолгая, какой коварной оказалась весна с ее поздними холодами, и о прочих глупостях, по примеру ищущих, о чем бы сказать. Нет, я буду писать так, чтобы принести пользу и тебе, и себе. Но тогда о чем же мне писать, как не о том, чтобы ты научился правильно мыслить? Ты спросишь, в чем основание этой науки. В том, чтобы не радоваться по-пустому. Я сказал «основание»? Нет, вершина! (2) Достиг вершины тот, кто знает, чему радоваться, кто не отдает своего счастья на произвол других. Не знает покоя, не уверен в себе тот, кого манит надежда, если даже предмет ее рядом, и добыть его легче легкого, и никогда раньше она не обманывала. (3) Вот что, Луцилий, сделай прежде всего: научись радоваться. Ты думаешь, я тебя лишаю множества наслаждений, если отвергаю все случайное и полагаю, что нужно избегать надежд – самых сладких наших утех? Совсем наоборот: я хочу, чтобы радость не разлучалась с тобой, хочу, чтобы она рождалась у тебя дома. И это исполнится, если только она будет в тебе самом. Всякое иное веселье не наполняет сердце, а лишь разглаживает морщины на лбу: оно мимолетно. Или, по-твоему, радуется тот, кто смеется? Нет, это душа должна окрылиться и уверенно вознестись надо всем. (4) Поверь мне, настоящая радость сурова. Уж не думаешь ли ты, что вон тот, с гладким лбом и, как выражаются наши утонченные говоруны, со смехом в очах, презирает смерть, впустит бедность к себе в дом, держит наслаждения в узде, размышляет о терпеливости в несчастье? Радуется тот, кто не расстаётся с такими мыслями, и радость его велика, но строга. Я хочу, чтобы ты владел такою радостью: стоит тебе раз найти ее источник – и она уже не убудет. (5) Крупницы металла добываются у поверхности, но самые богатые жилы – те, что залегают в глубине, и они щедро награждают усердного старателя. Все, чем тешится чернь, дает наслаждение слабое и поверхностное, всякая радость, если она приходит извне, лишена прочной основы. Зато та, о которой я говорю и к которой пытаюсь привести тебя, нерушима и необъятна изнутри. (6) Прошу тебя, милый Луцилий, сделай то, что только и может дать тебе счастье: отбрось и растопчи все, что блестит снаружи, что можно получить из чужих рук, стремись к истинному благу и радуйся лишь тому, что твое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.